

Цветы Севера

Цветы Севера

Издательство «Карелия»
Петрозаводск
1979

ББК 28.5
58
Ц27

Фотографии
Николая Бургилова
Текст
Юрия Линника

21006—069
Ц М127(03)—79 74—79

© «Карелия», 1979

Золотой луг

Мать-и-мачеха

Калужница

Одуванчик

Купальница

Первоцвет

Кошачья лапка

Фиалка

Ранние леса прозрачны и пристальны. Они словно глядят в себя, в свою глубину, ожидая загаданное, затаенное. Вот первая бабочка-лимонница послана ими на разведку сквозящих пространств. В ней сейчас — вся интуиция леса, все его ожидания. Неуверенно порхает лимонница, пока не завидит кустик волчьего лыка. Сядет на розовую ветвь — и словно прекрасное созвучье в мире родится! А вокруг — только ясность, только дали: ни одного листочка зеленого, ни одной былинки. Поэтому лимонница и волчье лыко сейчас — как средоточье вселенной: к ним обращено внимание солнца.

Пусть в этой первой весенней встрече — в согласии нежно-желтых крылышек и сиренево-розовых венчиков — откроется тебе тайна цветка. Потому он так красочен, что хочет заговорить с кем-нибудь, не остаться в одиночестве: быть увиденным, быть замеченным — вот что движет его эволюцией.

Сережки ольхи — тоже соцветье. Похоже оно на две цепочки — коричневую и золотую, перевитые друг с дру-

гом. Эти цветы дружат с ветром: по-своему изящные, они не нуждаются в красочности, в заметности. Ветер переносит облака золотистой пыльцы с ольхи на ольху, содействуя опылению деревьев.

А вот многоярусная башенка полевого хвоща! Это не цветок даже, а его первое древнее подобие. Дунешь на башенку — из нее дымок завьется. Это разлетаются споры, каждая из которых была недавно свернута крохотной тугой пружинкой: их-то и расслабляет ветер, продувая ажурное сооружение нашего самого раннего хвоща. В общем-то здесь действует тот же принцип связи с будущим, что и у отпылившей уже ольхи.

Совсем иначе эта связь осуществляется у высших растений: тут роль посредников-почтальонов берут на себя насекомые. Дружбой с ними объясняется каждая деталь в строении цветка. Видишь, как высыпали на поляну первые цветы гусяного лука? — цвести им недолго, пока молодая трава не затмит. Поэтому каждый цветочек — как оклик, как зов: шесть его желтых отгибов выгнулись крохотным рупором, через который всем своим существом он обращается к миру. А когда зацветет звездика пышная, то можно убедиться, что она чуть-чуть схожа с компасом: на багровчатых лепестках — четко наведенные метки-указатели, помогающие насекомому найти тропку к нектару.

Горицвет похож на маленький алый костерок; дикая гречиха теплится розовой свечкой; береговой чистец, зажигая в глубоких чашечках пламя цветка, становится похожим на маячок.

Все эти сравнения не случайны, ибо выражают единую суть: костер — свечка — маяк, ведь и впрямь цветы являются огоньками, зажженными для насекомых. Потому и просыпаются они вместе, словно будят друг друга. Веками тщательно сверялись и согласовывались биоритмы трав и насекомых.

Есть еще третье звено в этой гармонической связи, самое важное и великое: солнце. Первые цветы не отводят от него взгляда, перенимая и золотистый цвет, и лучистую форму. Мать-и-мачеха, калужница, гусяный лук, купальница, золотой лютик, сурепка — это первая очередь цветов, солнечным разливом хлынувших на поляны. Все эти цветы желтые, но каждый — по-своему: из сочетания их золотистых оттенков складывается первая гамма в цветочном календаре.

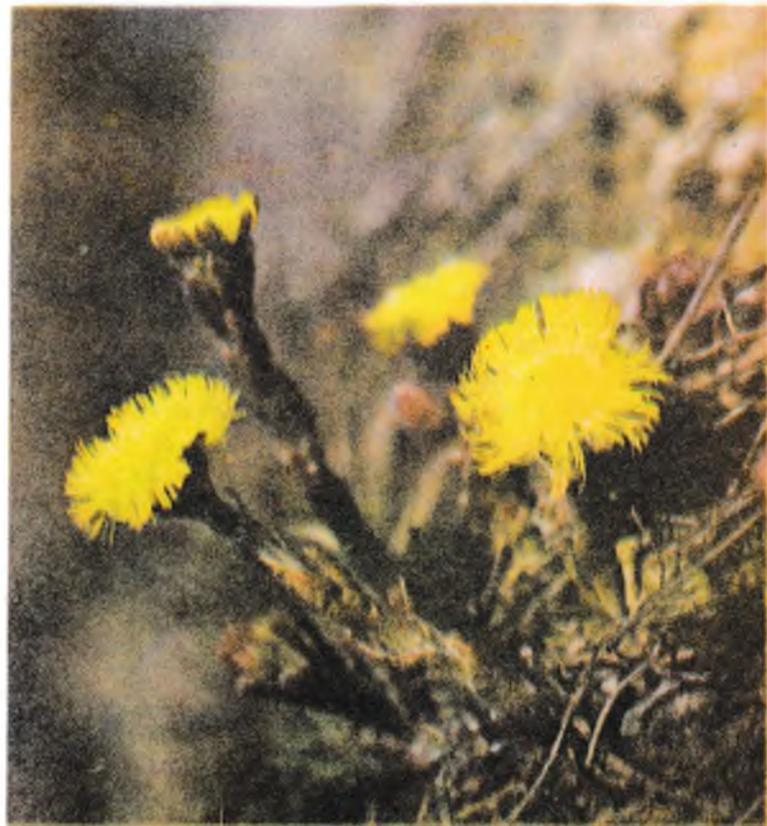

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Этот цветок — всегда неожиданность: мечтаешь о нем, как о подарке, да не чаешь заполучить так скоро. Дитя проталин, он уже ищет твоего взгляда. А ты тем временем пролетных пупочек в кроне пересчитываешь или окапываешь зернистым снегом бутылку, припоровленную для березового сока. Оглянись! — говорит золотой голосок. Оборачиваешься — мать-и-мачеха. Выпуклая пуговка посреди, а по краям лучи-оборки: тонехонькие, частые — не пересчитать. Вдруг подумаешь, глядя на это многослойное кружевце: вот маленькая танцовщица в золотой пачке, легко сбежавшая на голый суглинок по солнечному лучу. Зябко ей, а радостно!

А иногда, глядя на мать-и-мачеху, дышленка вспомнишь — желтенького, хрупкого. Ведь и вправду, есть что-то дыплячье в этом цветке, только что проклюнувшимся скорлупку утренней наледи. А солнце над ним — как пasedка: бережет, лелеет, холит. Сходство с родителем у цветка полное — такой же он и золотой, и ласковый.

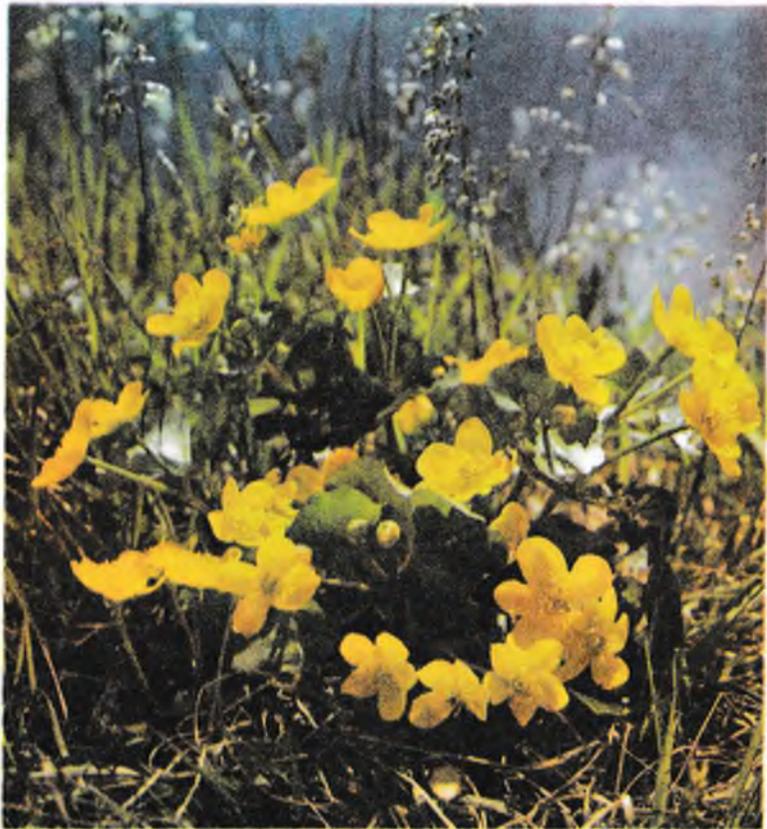
Сугробы окрест еще такие рослые, плечистые, — как бы не шагнули вперед да не смяли первую радость! Но каждое утро расправляет мать-и-мачеха свое оборчатое платьице, разутюживает его золотым утюжком. А вечером старательно свертывает, зачихливает. Что ни день, то прибывает она в росте, словно вытягивая из земли чешуйчатый стебелек, все выше и выше. Вот уже так высоко поднялась, что стал цветок никнуть долу. Очень красивый и немного грустный наклон! Предвещает он скорый конец цветенья: закрывшись однажды на ночь мать-и-мачеха снова явится миру уже в обличье серо-коричневого пушистого шарика, у которого одно чайные — поскорей с ветрами знакомство свести. Дунут они посильней и, сами того не ведая, совершат посев новых маленьких солнц, которым еще долго ждать своего срока.

КАЛУЖНИЦА

Когда на полоой воде появляются первые водомерки, то радостная торопливость их действий понимается сразу: они спешат замерить ширь и даль тех зеркал, в которых отразится скоро золотое зарево калужниц. Весна к нам выходит из теплых талых вод, таящих в себе лягушачью икру и гребенчатых тритонов. Калужница поначалу соседствует с ними, завязывая прямо в воде упругий зеленый узелок своего бутона. Распутать его может только солнце, до которого еще надо добратся.

И вот русалочья трава начинает выбираться на воздух. Сделать это не так просто, ибо уровень внешних вод неуклонно повышается. Но калужница обгоняет рост паводка: кажется, что в шарики-бутоны до отказа накачан воздух, стремительно вздымающий их на поверхность. Наконец грань достигнута! Не успеет бутон от воды отряхнуться, как открывается весь — сполна, настезь! Какая-то ненасытная жажда жизни есть в этой желтой яркости, в этом первобытном великолепии. Калужница — язычница, калужница — солнцепоклонница! Зацвела она — как

затаенное выдала: единым выдохом, без оглядки. Молодая безудержность будоражит душу, полня все существо твое восторгами древними.

Еще снежок раз-другой выпадет, испаряясь с лепестков огнистых; еще далеко до стрижей, до стрекоз. Но дружный почин калужницы передастся всей природе, зародив золотую волну: катиться ей теперь по лугам, по долам, поднимая к жизни все новые травы. Исполнив свое калужница опадет, как зацвела: вся разом, в один срок. Правда, будут еще изредка подниматься отдельные цветки, попридержанные на глубине половодьем. Но они — как напоминание о недавнем. Прибой качает у нашего берега уймищу желтых осыпавшихся лепестков, а потом неоглядчиво уносит их в даль, в безызнательность.

ОДУВАНЧИК

Листья у одуванчика лежат на земле, расположившись по кругу. Из этой зеленой розетки скоро подымется узкая трубочка-стрелка, когда-то несказанно радовавшая нас возможностью извлекать из нее своеобразные звуки. Какое детство не делало из одуванчиков дуделок да пищиков! Быть может, для кого-то это стало первыми уроками музыки...

Набрав задуманную высоту, одуванчик распускается: желтое колесико выкатывается на луг, зацепляя зубчиками своими солнечный диск. Ведь право же, одуванчик — как золотые часы на запястье мая: восход покажет, закат отметит. На его желтый циферблат часто садятся шмели-ювелиры, выверяя природные ритмы.

Иногда одуванчики растут столь кучно, что сплошь заполняют луговину: диск к диску. Идешь мимо них — и кажется, будто движутся они, вращаются на свету: незабываемое ощущение! словно глядишь в поблескивающее устройство биологических часов, замороженный таинством их точного хода. Что-то отлаживается в это время в душе

твоей, согласуясь с гармонией мира. Постоять у сплошных одуванчиков — как зарядить себя полнотой бытия: надолго хватит!

Сейчас одуванчик всей сутью своей воплощает облик дня, образ солнца. А когда отцветет, то появится в нем что-то лунное, серебряное. Как легки эти сферы с их манящей полупрозрачностью! Издали, в утреннем брезге, они кажутся выточенными из дымчатого топаза, но на поверку хрумки, воздушны. Подумаешь ненароком, что одуванчик ныне, как трубочка волшебника-стеклодува, из которой выдута округлое чудо, заключающее в себе будущее. Это тоже радость детства: обдуть одуванчик, пустить его по ветру.

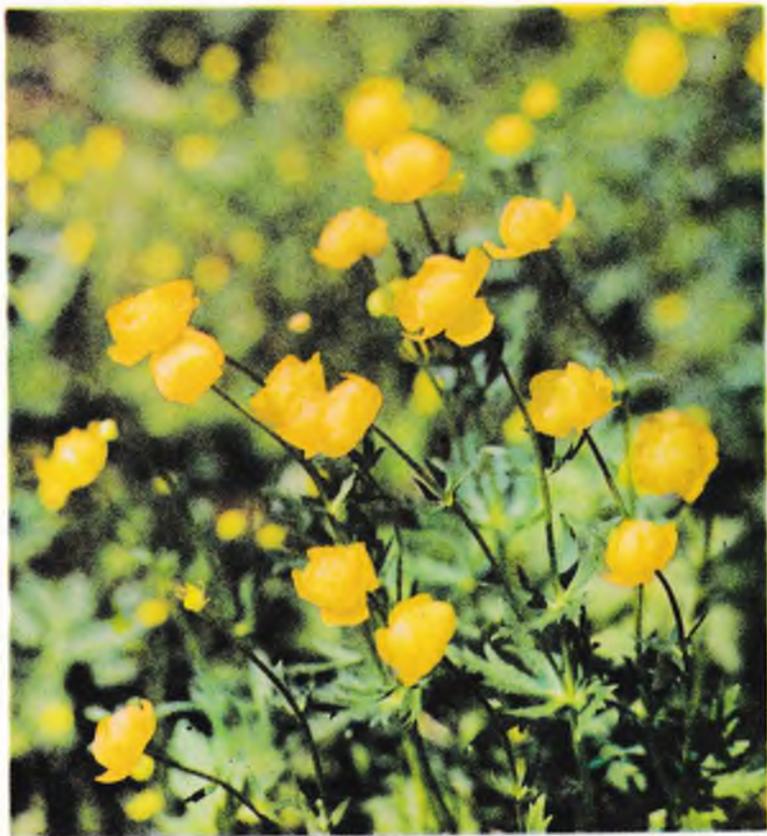
Стебли цветка сейчас — как парашютная вышка: на тесной площадочке ждут не дождутся своего часа опушенные семечки. Счастливого взлета вам, одуванчики!

КУПАЛЬНИЦА

Купальница выходит из земли стремительно, взвихренно! — укладка ее листьев похожа на витки крошечного циклона, который начинает расти и раскручиваться. Растеньице словно ввинчивает себя в наземное пространство, утверждаясь в нем яро, напористо. Бледно-зеленая горюшина завязи — как ядро этой маленькой зеленой галактики. Подобие большого и малого здесь удивительно!

Вскоре купальница успокаивается, обретая мягкость очертаний. Положить на ладонь ее пальчатый лист — как ощутить теплое рукопожатие. Доброе и нежное растение! Особенно в пору своего волшебного цветения, когда мириады золотисто-лимонных шариков парят над северными лугами. Наверно, купальнице удалось познать невесомость: связь со стебельком-фалом словно потеряна, растворена; цветы-луны без всякой опоры висят над зеленой планетой. Впечатление это усиливается в сумраке белых ночей, среди легкого порхания бабочек-полуночниц. Луг превращается в сказочную вселенную, для которой мы лишь мимолетные гости, пришельцы с других земель.

Каждый цветок — самобытный мир: познать его не просто, ибо купальнице свойственна своеобразная скрытность. От нашего взгляда утаено внутреннее пространство цветка с его тычинками; оно — за несколькими слоями желтых чашелистиков, которые надо бережно отвернуть, чтобы увидеть великолепие оранжевых нектарников. Здесь можно застать врасплох какого-нибудь маленького жучка: пробившись сюда сквозь заслоны, он очутился под золотым небом, среди медвяного запаха. Увидеть бы мир купальницы его зрением!

Придет время — и цветок отомкнется сам, без принуждения: опадут чашелистики, открыв красиво уложенные кулечки с семенами. Так мастер сдергивает завесу, являя нашему взору готовый шедевр.

ПЕРВОЦВЕТ

В эту пору у прозрачных осин листья шоколадного цвета; пропуская вечернее солнце, они вспыхивают небывалыми витражами. Над осинником токуют вальдшнепы; где-то в чащобе последний раз пробулькал тетерев; у кукушек самый разгар их счетов-пересчетов. А на опушке сейчас распускается первоцвет. Его чеканно-сетчатые листья выходят из земли курчавой воронкой, выгоняя из недр своих цветочную стрелку. Скоро ты видишь, как островки дымчато-лимонной мглы встают среди зеленых трав. Так зацветающий первоцвет выглядит издали; теплый, какой-то парной по цвету, он привлекает к себе, манит. Подойдешь поближе — как наведешь золотистый туман на резкость: связка солнечных ключей лежит перед тобой — все ключи на одну сторону свесились. Это соцветье первоцвета — густое, но странно-легкое, воздушное.

У каждого цветка — глубокая бледно-зеленая чашечка, похожая на узкий пузырек. Цветок — желтенький, с пятью отгибами, десятью надрезами — как бы вставлен в эту кувшиноподобную форму, поднимаясь из нее с непри-

нужденной грациозностью. Трудно это выразить, но настойчиво чудится, что есть некая бережность и нежность в том, как зеленая чашечка охватывает желтую трубку венчика, переходящую вдруг в звездоподобное пятилепестие.

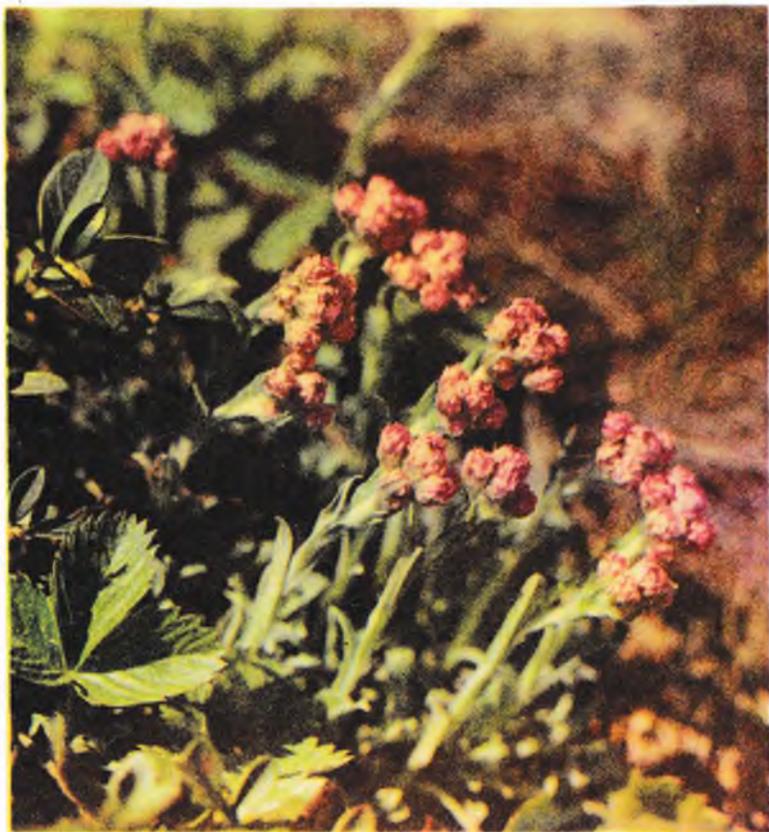
В детстве мы называли первоцветы «граммофончиками». В этой вытянутости цветка есть какое-то внимание, какое-то прислушивание к миру: в лимонный раструб словно втекают звуки вселенной, а потом, преобразенные в другие частоты и волны, изливаются особой музыкой на луга и достают до детского сердца. Вон пенек рядом: годовые кольца на нем — как звуковые бороздки на пластинке; желтая игла сосны — будто звукосниматель, от которого тонкий проводок паутины тянется к золотому динамику первоцвета. И впрямь — луговой граммофон! Поскольку цветов много, то создается стереоэффект: со всех сторон льется шмелиный гуд, мушиный звон!

Чем дольше цветет растение, тем объемистей его чашечка: вздуваясь, она превращается в мешочек, куда можно сыпать семена. Странно подумать, что скоро здесь подымутся васильки, нивяники. Облик луга настолько изменится, что трудно будет поверить: совсем недавно здесь звенели золотые первенцы весны — цветы первоцветы.

КОШАЧЬЯ ЛАПКА

Весна пришла на скалы. Быстро растаяли осунувшиеся сугробы, открыв курчавые листья камнеломок. Как ни в чем не бывало зеленеют ступенчатые листья папоротника-многоножки, сохранившие этот окрас под снегом; наливаются розово-красными соками тугие почки шиповника; пускается в рост скромный тимьян, поскальная травка. Но яснее всех говорит о весне кошачья лапка! Без розеток ее листьев, погруженных в ягель, нельзя представить наших скал. Листья эти — двухцветные: сверху зеленые, голые, а снизу как бы опущенные войлоком. Верно, здесь двойная защита: весной от холода, которым дышит камень, а летом — от перегрева.

После снеготаянья листья у кошачьей лапки полузавернуты исподом вверх: они похожи тогда на самородное серебро, рожденное скалами. Собранные в розетку, листочки напомнят тебе то ли драгоценное литье, то ли искусную чеканку: уж очень изящны они, хотя и крепки при этом, — полновесность металла сочетается здесь с легкостью, с ажурностью.

Скоро кошачья лапка выгонит цветочную стрелку, надежно укутанную от холодов. Сейчас, в канун цветения, ощущается в растении какая-то зябкость. Понимаешь все его предосторожности — и опушение теплое, и густоту листьев: ведь они подобны меховой шубке, берегущей бутоны на первых порах.

Приуроченная к скалистым высотам, кошачья лапка обнаруживает все черты альпийской растительности. Ее ближайший сородич — прекрасный эдельвейс. У него почти такие же корзинки-соцветья, но вокруг них, подобно огромным серебряным лучам, расположены белые листья, которые легко принять за лепестки. Однако вернемся к нашей кошачьей лапке. Теперь мы застаем ее в пору цветения — множество нитчатых цветов собрано в клубочки, а те в свою очередь тоже плотно скучены. Так что перед нами — соцветье соцветий. Есть в нем какая-то мягкость, вкрадчивость; и вправду оно похоже на лапку котенка, когда тот убирает коготки. Прикосновенье цветка этого к душе человеческой запоминается навсегда — кошачья лапка разглаживает морщинки, молодит душу.

Пройдя по скалам, заметишь, что цветок этот встречается в двух формах: белой и розовой. Вглядевшись в детали строения, вскоре обнаруживаешь, что кошачья лапка — растение двудомное: встречаются экземпляры только с пестичными цветами. Так что принцип двойственности кошачья лапка проводит повсюду: и в устройстве листьев, и в окрасе соцветий, и в строении цветов. Так внутри одного вида достигается гармоническое разнообразие.

ФИАЛКА

В самом конце мая, когда утвердится лазурная прозрачность белых ночей, зацветает фиалка. Она — как душа наших северных скал: скрытая в суровом камне, вдруг дарует миру всю свою мягкость и доброту. Фиолетовое — оранжевое — синее! Это цветное трезвучье изумительно гармонирует со сдержанно-серыми тонами древних диабазов, являя взгляду живое единство силы и нежности.

Осина еще только пускает свой лист, такой розовато-просвечивающий по выходе из почки; кряква хлопочет над ранним выводком, пряча его в жухлой прошлогодней осоке; отцветают первоцветы — мать-и-мачеха, гусиный лук. Вот когда преображаются наши скалы! Кажется, что небо упало на них, облив синим тресетом: будто не ледниковые валуны перед тобой, а огромные самородные сапфиры, зовущие заглянуть в свою синюю глубину. Подойдешь поближе — фиалки: так плотно облепили камень, что скрыли под собой все его рубцы. Прямо-таки разлив фиалок! Невиданным паводком хлынули они на сельги, дружно затопив все ложбины, все впадины.

Легкость есть какая-то в этой синей лаве, в этом лазурном извержении: поднебесьем веет от фиалок, эфирностью. На время их цветенья как раз приходится обильный лет мотыльков-икаров, родившихся, верно, от неба, от его чистоты. Всегда подумаешь о неуловимом, но все же явном сходстве этих мотыльков и фиалок; они — как вариации одной темы, как воплощение одной идеи. Ведь фиалка живо напоминает бабочку! Ее лепестки — как крылья: у основания их синева переходит в желтизну, испещренную тонкими чернильными жилками. Сказка начинается с того, что вдруг почувится тебе: фиалка и бабочка могут поменяться местами, превратиться друг в друга. Этот метаморфоз — сама поэзия в ее истоках!

Если долго глядеть на фиалку, то ее лепестки сложатся в личико с наивным и добрым выражением. Никакой другой цветок не умеет так посмотреть в твою память и всколыхнуть в ней все самое прекрасное. Анютины глазки могут и улыбаться, и грустить. Ведь они — зеркало твоей души: в них ты увидишь все, что захочешь.

Белая ночь

Вахта

Кокушник

Венерин башмачок

Очиток

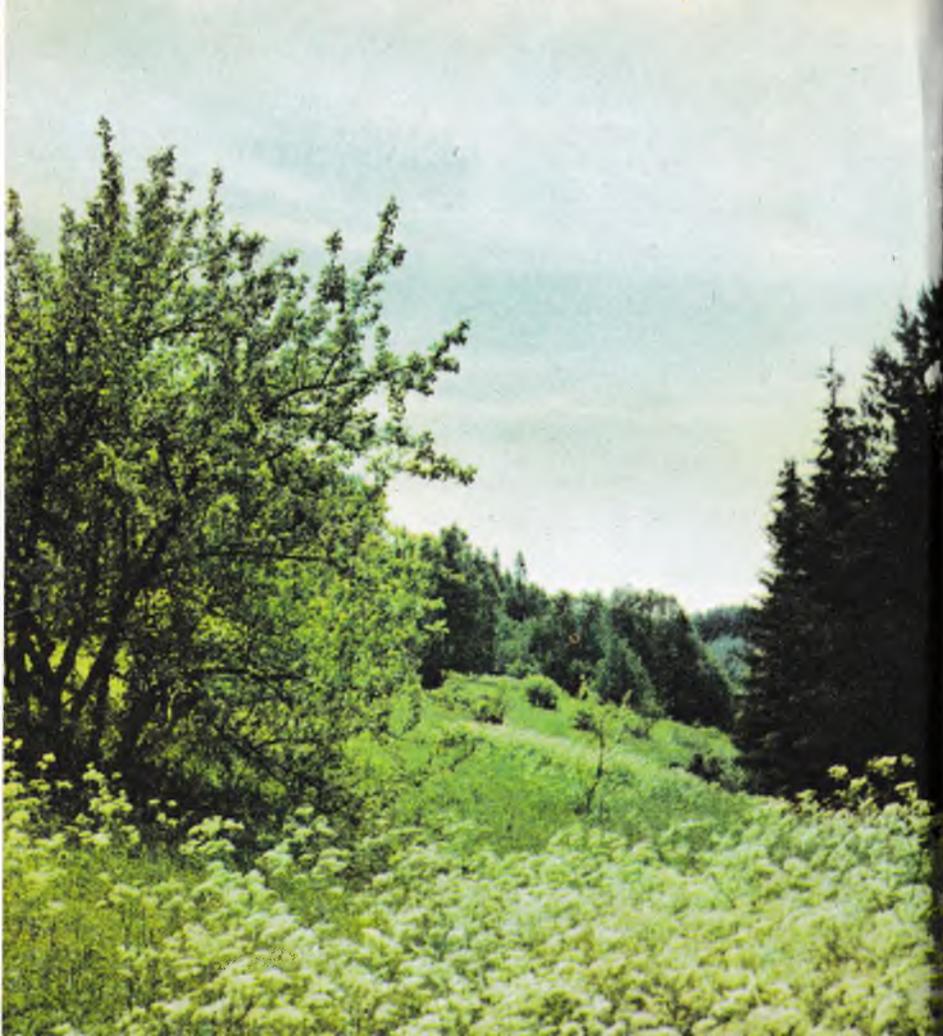

Герань журавельник

Горицвет

Не гаснут над озером светлые зори, не тонут золотые слитки бликов. Цветок сочевичника сейчас — как маленький спектрограф: он преломляет в себе краски закатов и рассветов, выявляя перемены цветовой гаммы. В начале цветенья венчик у сочевичника фиолетово-красный, а потом лазурно-синий. В пределах этого спектра — новая волна цветов: зацветание шиповника, фиалок, дубровок. Но над всем этим новым разноцветьем торжествующе воспаряет черемуха! На ее запахах настаивается белая ночь, на ее светосиле. Поднимешься на скалу, а под тобой — будто пенные водопады замерли: околдованные, не шелохнутся. Куда ни глянь — всюду черемуха. Легкость от нее какая-то в тебе и во всей вселенной; забористым свежим духом очищается сердце. Потому и мнится, что на время цветенья черемухи явно поубавилась тяга земная: никакой ноши на себе не чувствуешь, а небо кажется как никогда близким. Только три звезды в нем остались — Вега, Арктур, Денеб. Но зато на ночных болотах найдешь настоящее подобие звездного неба — россыпи кварцево-бе-

лых, чуть флуоресцирующих одноцветок. Едва приподнимаясь над красноватыми мхами, они складываются в узоры невиданных прежде созвездий.

Рядом с ними цветет кассандра: на ветке приклонной — десяток серебряных колокольчиков! Они отлиты из лунного света, чуть уплотненного росами. Потрогаешь — откликнутся. На эти тишайшие звуки отзовется вся огромная Белая Ночь! Вся — как ни на есть: просторная, светлая, с розовой скобой месяца, стрелами юного тростника, чайчьиими базарами.

Вон ландыш цветет — в соседстве с округлым, искусно выплетенным гнездом дрозда; а рядом с простеньким гнездом крачки — несколько былинков положено в мелкое углубление — зацвела синяя фиалка топяная. У нее немного любопытный взгляд: а что там, в гнезде?

Завораживают полночные пространства. Все открыто — для взора, для сердца. Как будто в освещенном за полночь мире нет ничего скрытого, хотя вместе с тем весь он — большая и пленительная Тайна. Одна из орхидей так и называется: тайник сердцевидный. Что утаивает, что прячет? — не узнать, не разведать. У всех свои тайны; мир без тайн был бы тусклым, бесцветным. Чьими письменами испещрены крылышки ночного мотылька? — быть может, это знаки неведомого нам разума. Что означают фиолетовые пятна на листьях кукушкиных слезок? — наверно, это карта сказочных материков. Таинственна гармония мира. Но она выявляется в зримых и прекрасных связях. Тому свидетельство — дивное триединство: в белую ночь светят белые цветы и летают белые бабочки. Эти пядени-

цы, эти совки! — где-то удалось им найти снежную материю для своих крыльев, так полногласно рифмующихся с парусом цветка белокрыльника, с луноцветной любовью.

Белый цвет хорош для посылки сигналов сквозь сумерки: он заметен издали, он зазывен. Вот мерцает в ночи седмичник — семь лучей хорошо смотрятся на фоне темного разнотравья. Такой «посадочный знак» не спутаешь ни с каким другим! Багульник, сердечник, звездчатка, яснотка, купырь, купена — всей светизной своих белых венчиков эти цветы вливаются в прозрачную белую ночь.

ВАХТА

Ручей сейчас — как блестящая нитка: зарылся в клюквенных мхах, зарос омежником. Стрекозы над ним парят, растянувшись в синюю вереницу; купаются по утрам камышовые овсянки. Они непременно присядут на странное приручьевое растение, верхушка которого похожа на узкую пирамидку, сложенную из лаковых зеленых ягод. Это — болотный трилистник, вахта. Лист у нее тройчатый, похожий на клеверный, только более крупный. Три доли — как три створки зеленого складня: мера и симметрия в соотношении между ними поразительны.

Краса болот северных, вахта пускается в рост, когда ручей разливается по всему болоту: тогда под бликами можно увидеть, как рядом с лилово-красными ягодами прошлогодней клюквы лежат сrostки лягушачьей икры. А вблизи зыблется в полых водах зеленый шнурочек с тремя узелками на верхушке. На другой день заметишь, что ему удалось приподняться над текучим зеркалом: болото в эту пору преобразается, покрываясь зеленой цетинкой проростков. Не трудно нашарить под мхами корень

вахты, растущий в плоскости, по горизонтали. Он похож на трубку насоса, ненасытно вбирающего в себя воду, соки. Соединенный с бледными стебельками, корень накачивает в них мясисто-сочную водянистую плоть, какая бывает только у болотных растений.

Раздаются у вахты плечи-веточки, час от часу она мужает. Заметив розовые бутоны, ожидай в болоте новую перемену. Утром — ахнешь: будто мерцающая заиндевелость преобразила болотный мир! Это вахта открыла цветы. Лепестки у нее в удивительном ворсе, в белой выпущке, придающей цветку какую-то инистую лучистость. Вахта растет тесно, сомкнуто. Потому и вспомнишь среди белых ночей забытое белоснежье. Не цветок у вахты, а снежинка. Только вот лучиков у него пять, а не шесть. Какое хрупокое великоление! Что-то кристаллическое есть в цветке, что-то похожее на ажурные выдумки сталактитов. Неуловимая краснинка блуждает в белой махре, будто изнутри освещенной крохотным смоляным факелом. Цветок-сказка! Наведешь на него увеличительное стекло — и воображение перенесет тебя в заиндевелую ронцу: заря только-только легла на белые плетения, придав им аметистовый оттенок. Благодаря вахте ощущаешь своеобразную симметрию времен года: сквозь белую ночь чудодейственно брезжат белые узоры зимы. И в этой ассоциативной цепочке вдруг откроется цельность земного времени!

Но возвратимся в белую ночь. Она первозданно хороша над болотами, где раздольно цветет вахта, — зеркала болотной воды повторяют великоление ее соцветий. Всю

ночь над мочажинами кружат кроншнепы, их флейтовый напев мягок и элегичен. А вон среди вахты отразился высокий бекас! — его бляньне тоже неотъемлемо от музыки белой ночи. Иногда колыхнутся цветы вахты — это щуки заходят на места недавних нерестилиц. Скоро такие щучьи визиты станут невозможными: полая вода спадет, густо заколосится осока, и в ее зеленой чащобе пропадет, растворится вахта.

Но раздвинешь осоку по осени — и вот она, целебная трифоль! Цветы-снежинки превратились в зеленые коробочки. Белая ночь затаилась в них до будущего июня.

КОКУШНИК

Орхидеи Севера! В сочетании этих слов есть двойная таинственность. Вот любка, душа белых почей; вот кукушкины слезки, с родимыми пятнами на листьях; вот гнездовка, прозрачно-желтая, словно истаивающая. А это — кокушник, орхидея влажных лугов и сырых опушек. Встреча с ним — всегда радость. Видишь, как частое плетение лютиков и ранних мятликов прорезает лиловато-розовое соцветие-шишль? Оно струится в зеленом пространстве узким пламенем. Именно струится! Иначе не передашь ощущения от стремительного колоса, плотно сложенного из тугих цветков. Это похоже на взлет: из травяного лона взмывает куда-то ввысь, к дрожанью далекой Веги, стройный корабль, освещенный сиреневым светом. Но поля тяготения держат его на невидимых тросах, не отпускают от себя.

Сотни букашек побывают за это время внутри корабля, осмотрят его в мельчайших подробностях. Оказывается, каждый цветок в отдельности похож на маленький навесец, где в тепле и уюте можно переждать

непогоду. Верхние околоцветники выкроены так, что в совокупности образуют подобие шлема. Много насекомых надевают его на себя, всегда убеждаясь в удобстве и красоте примеренного: жаль только, что с собой нельзя унести! Завязь цветка — как веревочная привязь: многократно перекрученная, она напроочь соединяет цветок с осью соцветия. Иногда подумаешь: вот раскрутится эта завязь-веревочка — и цветок лиловым пропеллером взмоет в небо! Силу растению дают его подземные клубни, куда в свою очередь натекают сейчас солнечные запасы для будущего года.

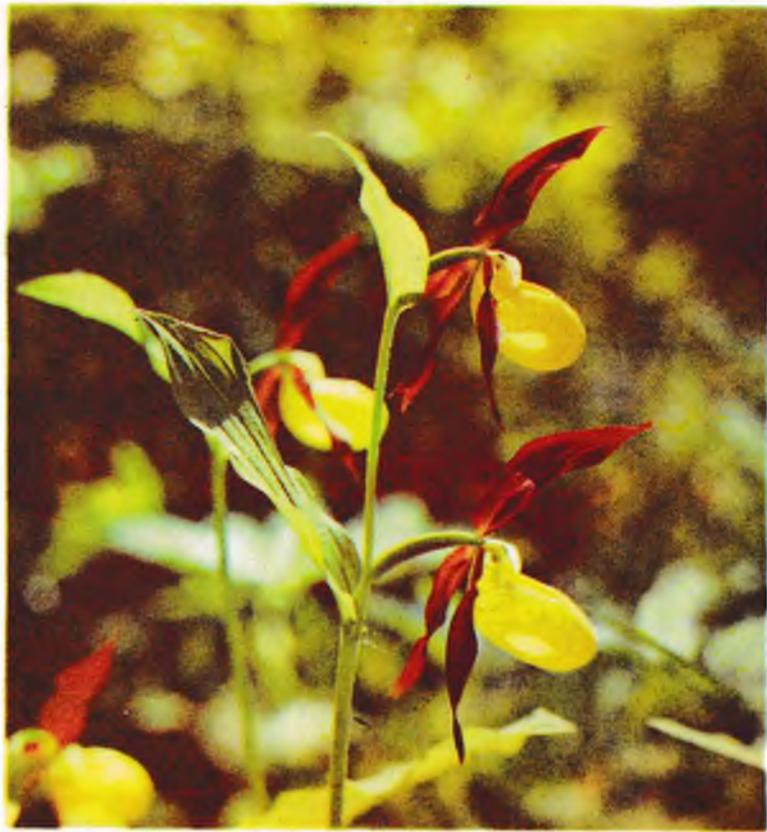
Наверно, у кокушника самое многоступенчатое соцветье! Отпадают нижние ступеньки, жухнут, покрываясь окалиной. А пламя поднимается выше, зажигая последний верхушечный бутон. Вот и отпылала бенгальская свечка кокушника! А в памяти все еще стоит зеленое разнотравье, прорезанное розовыми башенками орхидей.

ВЕНЕРИН БАШМАЧОК

Если мир орхидей сам по себе загадочен и скрытен, то венерин башмачок — наша северная орхидея — его тайное тайных. Встреча с этим цветком — счастливое и редкое событие, навсегда западающее в память. Надо исходить не один десяток верст, чтоб однажды, раздвинув кусты дикой смородины, увидеть самородное чудо: лесной тайник, траву адамову, венерин башмачок! Вот он — весь как есть перед тобой: несколько фиолетово-красных ленточек, повязанных бантом на золотистой туфельке. Кто ее примеряет в белую летнюю полночь? — не подстережешь, не увидишь.

Но воспользуемся драгоценной возможностью пристальней рассмотреть туфельку-лодочку: бортики у нее глубоко загнуты внутрь, оберегая заповедное донце; составлена она из искусно пригнанных друг к другу желтых секций, похожих на шпангоуты; окололестничник поднимается над нею, как темный вечерующий парус. Удивительные, просто фантастические формы! Не поймешь их секрета, если не вспомнишь о насекомых: ведь

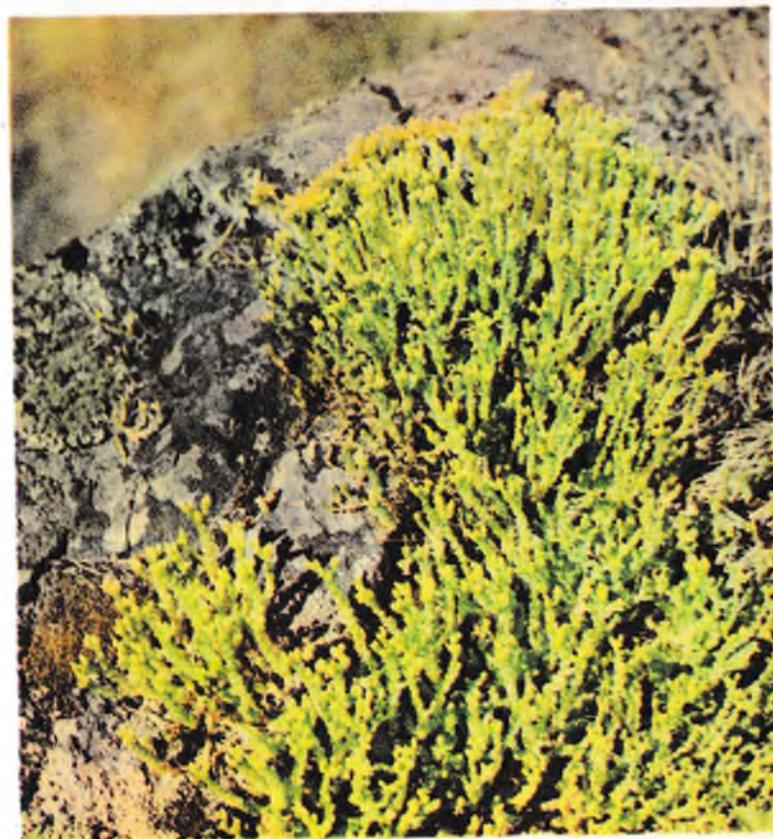
для них все здесь приготовлено — даже сидение специальное имеется в удивительной лодочке: садись и гребь крылышками! Это и делают маленькие летуны, открывая нам прекрасную взаимосвязь двух миров, двух вселенных: мира растений и мира насекомых. И фиолетовый околоцветник, и желтая лодочка — все это внешний декор цветка, а не его скрытое, глубоко затаенное строение. Все это — знак: способ найти такое сочетание форм и красок, чтобы выразить себя для других, отметить свое бытие в мире. Венерин башмачок тем и прекрасен, что неповторим. Он нашел свой информационный язык, чтобы разговаривать с насекомыми-опылителями. Встретив это наиредчайшее растение, не спешите сорвать его: больше всех других трав венерин башмачок нуждается в нашей защите и ласке.

ОЧИТОК

Золотым руном лежит очиток на прибрежных скалах. Стоит плыть за ним на лодке, под парусами, чтобы ощутить себя аргонавтом. Скалы зовут, манят. Они едва ли не сплошь облицованы солнцем, воплотившимся в этих маленьких, кучно растущих травах. Ранней весной, когда скалы полузатоплены в половодье, замечаешь под линзой воды множество плотных, чуть красноватых стебельков. Они похожи на какие-то кораллы или губки: кажется невероятным, что формы эти приурочены к сухим солнцепекам, к прогретому воздуху. Именно потому очиток умеет накапливать и хранить влагу, замыкая ее в чешуйчатых толстых листочках, каждый из которых по сути своей является сосудом, зеленой ампулой, хранящей соки.

Очиток — растение-суккулент: в своем строении он воплощает законы той же целесообразности, что свойственны и кактусу, и алоэ. И впрямь растение-губка! Сухь вокруг стоит — горячая, блестящая, а травка очиток — по-народному «молодило» — так и дышит на тебя свежестью, бодростью. Не было случая, чтобы очиток рос

поодиночке, сам по себе, ибо основа бытия для него — в началах содружества. Много ли земли накопилось в этой наскальной выемке? Две-три горсти. Ветры могут легко развеять скудную почву, но очиток густо прошнуровывает ее своими корешками, понимая таинственным чувством, что сетевое плетение нужно создавать всем вместе, а не обособленно. Наверно, это самые дружные в мире травы. Отпущенную им пядь планеты они умеют заполнить до отказа, удержав в себе весь солнечный свет, какой пришелся на их долю.

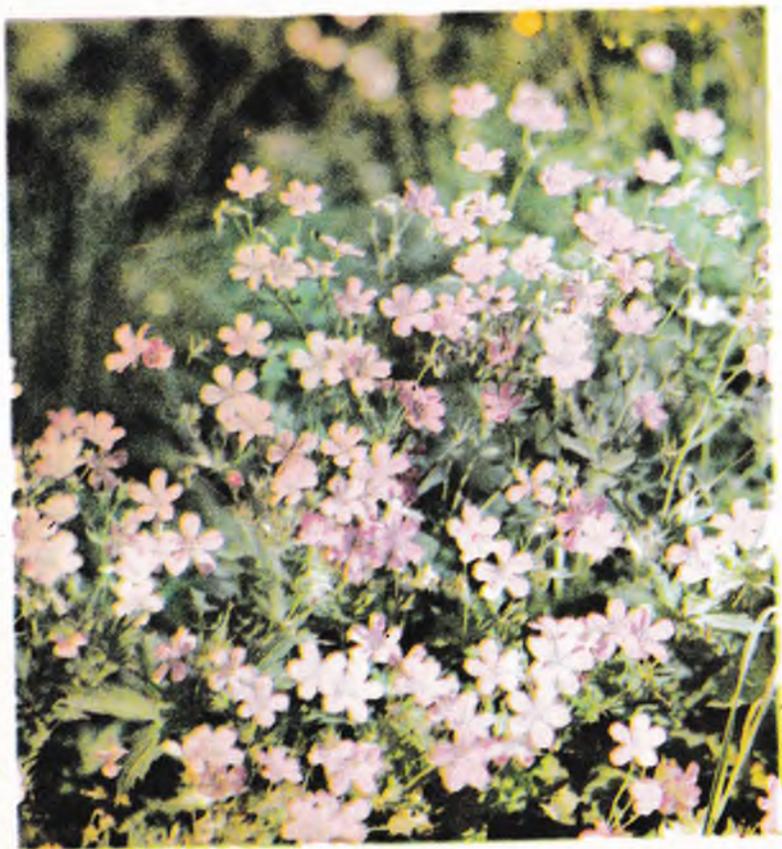
Цветы очитка расположены столь же тесно, как звезды в густых шаровых скоплениях. Да и светосилы у них не меньше! Издалека заметны эти золотистые островки, эти предельно уплотненные участки земной биосферы. Отцветая, желтые звездочки становятся серебряными. Скалы гаснут тогда, вечереют. Но в памяти светит и светит золотое чудо июльских берегов.

ГЕРАНЬ ЖУРАВЕЛЬНИК

Лесная опушка! Это особый мир, своего рода берег, ибо здесь проходит порубежье двух экотопов: лесного и лугового. За спиной у тебя — ромашки да колокольчики, а впереди, в лесном сумраке, — белые самосветящиеся грушанки. Хорошо идти вдоль весенней опушки. Где с особой охотой поют гнездящиеся здесь птицы — дрозды и зяблики. Видно, по нраву им такие места. Герань журавельник тоже облюбовала эту границу леса и луга, как бы подчеркнув ее своим цветением — ретушью бледно-синих лепестков. Это — трава опушек, душа опушек! В равной мере принадлежат и лесу, и лугу, она неразрывно связует их в одну гармонию.

Герань любит расти густо и дружно, без всяких междусобиб со своими соседями: так уж устроена, что живет с чувством локтя, в согласии с себе подобными. Заросли журавельника можно назвать классическими: вот она полнота бытия, зеленая щедрость жизни! Травяное пространство наполнено до отказа, но в тесноте этой угадывается порядок: каждый лист получает

свою долю света, каждый цветок заметен бабочкам.

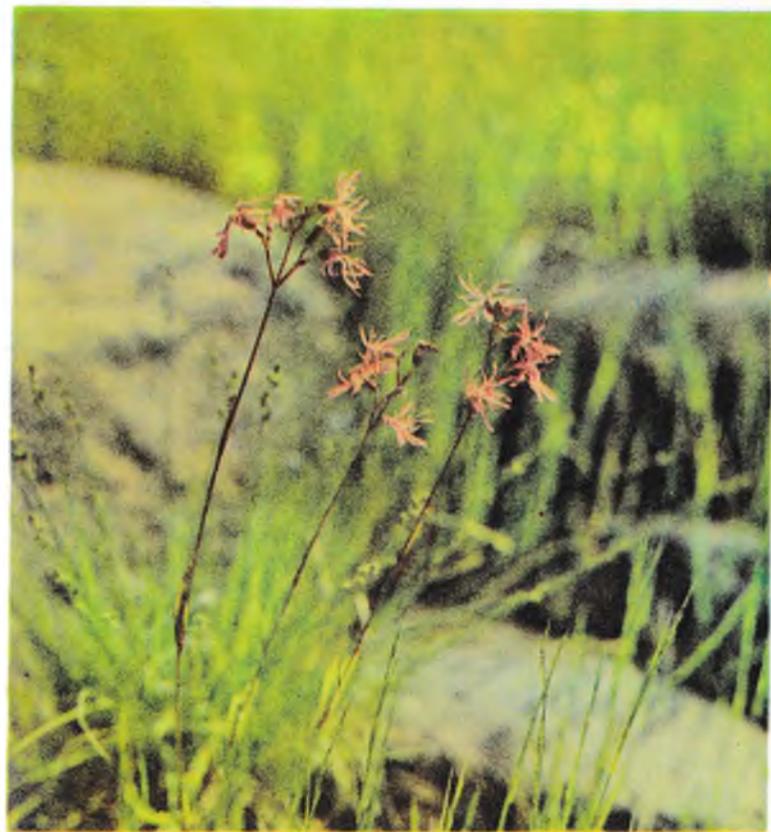
Лист герани похож на своеобразное кружево: семираздельный, он поражает прихотливостью своих линий; быть может, во всех этих впадинах и выступах заключена неведомая нам информация. Что-то ощутимо матерчатое есть в этих узорных и опушенных листьях, благодаря чему они кажутся какими-то особо теплыми, почти рукотворными. Так загадочность сочетается в них с понятностью и естественностью.

У герани пять лепестков — иногда блекло-лиловых, иногда чуть розоватых; на каждой полянке свой спектр гераней, свои оттенки. Вот цветок, превращения которого столь же чудесны, как метаморфоз насекомых. Сегодня это — милое и простое пятилепестье, а в конце цветенья — узехонькая игла с четкой огранкой. Даже трудно поверить, что этот весьма высокий шпиль был затаен в завязи: тут уж никак не скажешь, что шила в мешке не утаишь! Герань его таила до поры, до времени, сейчас неожиданно обнаружила. Именно за сходство этого соплодя с журавлиным клювом получила герань свое название: ведь «гера» по-гречески и означает «журавль». Вот хороший пример названия травы, в котором закреплена поэтическая ассоциация. Источник метафоры — в самой природе. Теперь она задумывает новое превращение: пятистворчатый шпиль раскрывается по граням, превращаясь в изящную люстру. Это свершила герань великое чудо самопосева!

ГОРИЦВЕТ

Зори белых ночей ложатся на луга июня. Травостой прозрачен и ночью, в сумерках. Это особое состояние мира, когда вещество словно просвечивает: нет ни плотности в нем, ни веса. Тогда не только ламбы ясны до донца, но и глухой лес кажется как бы стеклянным: видны в нем все сказки его, все чудесничество. Время тайн! Ключ к их раскрытию — в полыхании горицветов: это от них вся прозрачность, вся легкость вселенной. Наверно, у этих цветов самое хрупкое, самое тонкое строение: они как сочетание лучей, которое — покажется вдруг! — вот-вот распадется, такое оно зыбкое, ажурное.

Горицветы высоко поднимаются над луговой осокой, вспыхивая розовыми звездами, — лепестки словно плавают в сиреневых сумерках, свободно парят среди них. Вынь из белых ночей созвездие горицветов — и что-то погаснет в мире: исчезнет оттенок, ведавший ощущением волшебства. Не зря этот цветок называют еще и «дремой»: он умеет удерживать мир на той грани сна и яви, где рождаются сказки. Другое его прозвание — «кукушкин цвет»:

поэтическое сознание народа уловило здесь неисповедимую связь между кличем кукушки и розовым цветком. Наверно, связь эту надо просто чувствовать сердцем, ибо в словах она невыразима...

Как ни легок лучистый цветок-огонек, но хорошо удерживает бабочку-зорьку, славную оранжево-красным краешком белых крыльев. Вот сочетание, выражающее всю суть белой ночи: на закатном горицвете — бабочка-зорька! Подойдите ближе к цветку, наклонитесь над ним. Он откликнется на ваше дыхание, восторженувшись лепестками. Пусть линзой будут внимание и удивление — тогда понятным станет строение цветка. Казавшееся издали ажурно-прихотливым, оно теперь поражает своей простотой: вот пять лепестков, каждый из которых рассечен на четыре узких дольки. Если усилить увеличение, то лепесток в отдельности станет похож на четырехпалую птичью лапку. Для чего цветку такие надрезы? Наверно, он хочет усилить свою заметность, зыблясь на ветру. Невольно подумаешь о том, что горицвет имитирует пламя маленького костерка. К сожалению, гореть ему недолго: после ненастного дождя не сыскать на лугах ни одного горицвета. Отгорели свое, отполыхали!

Полная сила

Колокольчик персиколистный

Иван-чай

Клевер

Сныть

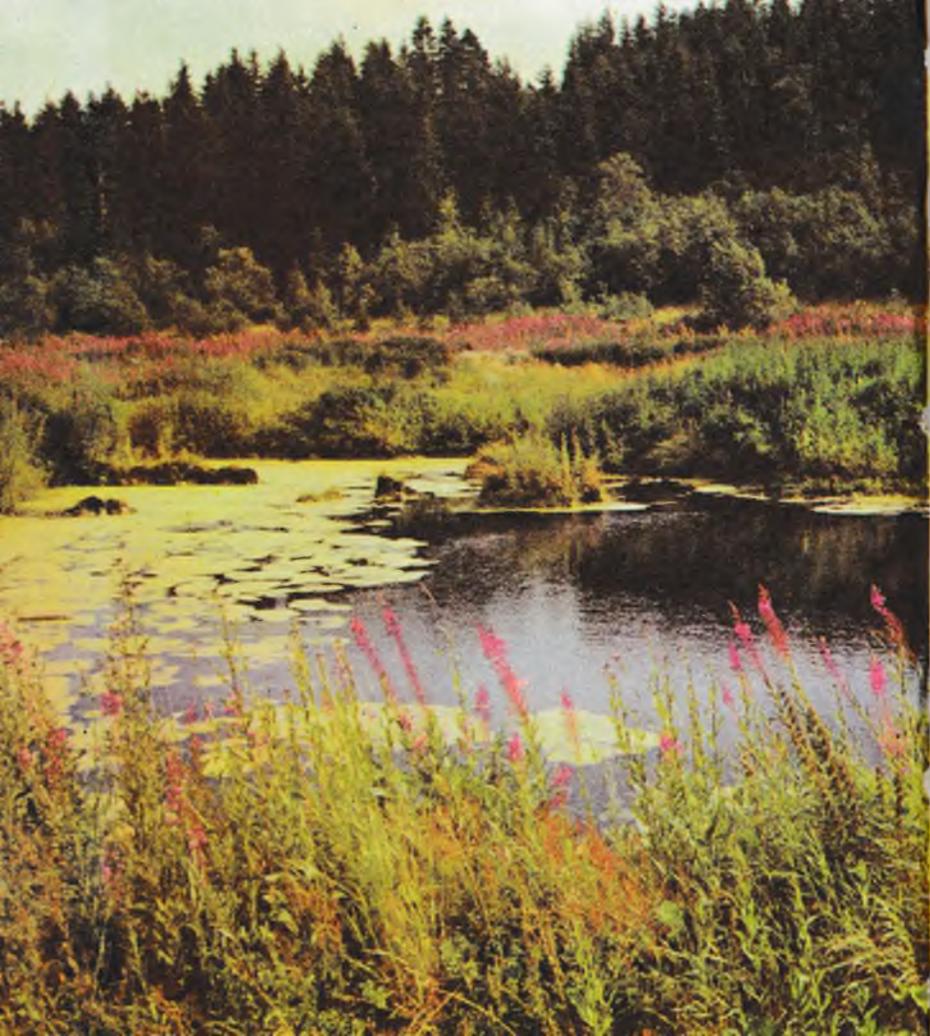
Белая лилия

Лютик язычковый

Таволга

Пришла пора косам погулять по лугам! — жуками ходят они в росяном разнотравье, вызванивая сенокосные ритмы. Зелеными пластами ложатся травы — ежа сборная, тимофеевка, колокольчики. В том, как падают они под косой на родимый луг, нет ни слабости, ни отчаяния. Скоро сгребут их граблями в маленькие стожки, а потом сольют в один большой стог — чудо луговой архитектуры! Округлый, дородный, спелый, стоит он среди зеленых отав, испуская лекарственные запахи. Бывает, еще полверсты до покосов, а дыхание сена уже докатится до тебя и обновит легкие.

Это время — торжество злаков. Цветы у них мелкие, неприметные, но собраны зато в изумительные соцветья: сколько разных колосьев, сколько несхожих метелок! Ступенчатая елочка пырея; раскидистая кисть мятлика; щеточка душистого колоска — удивительно разнообразие злаков! Это тонкие и сильные травы, с коленцами на стыке междоузлий; сполна они воплощают в себе законы зеленой целесообразности.

Приспело время и зонтичным распустить свои белые соцветья, похожие на парашюты со стропами. Едва отцвел купырь-первенец, как натянула тугие спицы своего зонтика лесная сныть. А рядом уже копит силу в пузырьчатых бутонах дудник. Это неторопкое, но хватистое растение: громоздит дудку на дудку — как этаж на этаж. Вот вымахает выше человеческого роста, тогда и зацветет. Как раз в эту пору и ягода рябины уже хороша для того, чтобы ребятишки заряжали ее в свои духовые ружья, стволы для которых поставляет уважаемый дудник. Цветенье его совпадает с началом грибосбора.

Выйдешь из леса на маленькую полянку — и оторопь тебя берет от удивления: так тесно встали высоченные травы. Здесь, по плечо дягилю, цветут в полную силу бодяки разнолистные: каждое соцветье у них похоже на малиновый помазок, вставленный в круглую зеленую ручку. Не отстают от бодяка и таволга, усыпанная витыми семенами. Осанисто стоит крепкий коричневый щавель, похожий на неприступный замок; сильно вымахали васильки, поповники. Вот она, высшая мера зеленого роста! Вспомнится, что здесь два месяца назад чуть приподымались от земли изумрудные иголки гусяного лука. Теперь травы прячут телка с головой; возносятся они над кузнечиками так высоко, что те изо всех сил стараются быть услышанными: пилят и пилят на звучных скрипочках, ведя каждый свою партию. Замерла над лугами жарынь, оплаывая все очертания. Стрекозы недвижно стоят в раскаленном воздухе: верно, их крылышки, чуть рас-

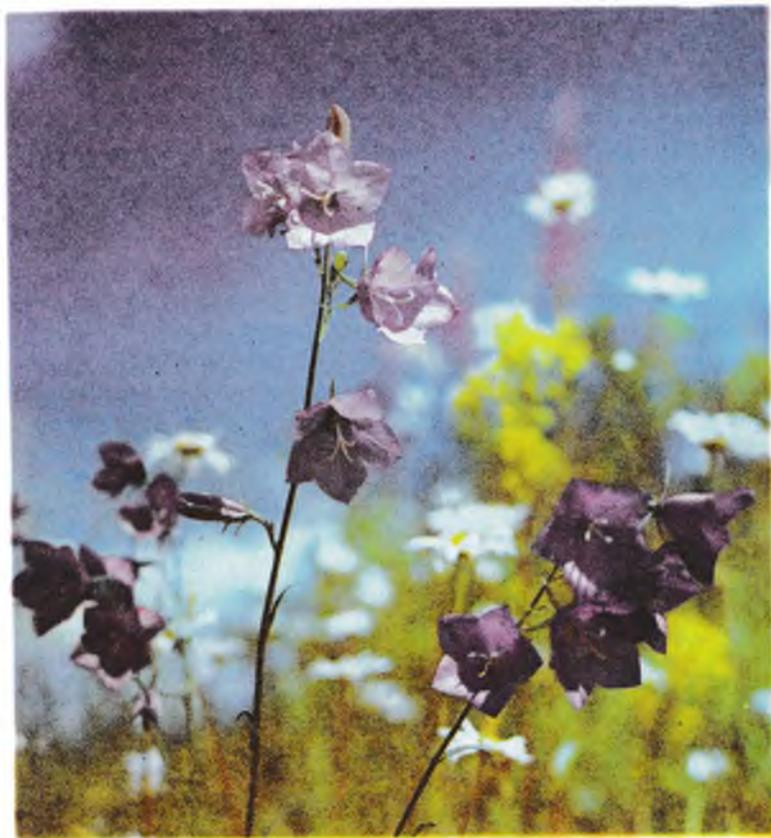
плавясь, напрочь приклеены к этой горячей прозрачности. Пахнет сухой землей, смолами.

Хорошо в эту пору на озерных лугах, среди кувшинок и лилий. А на мелководье, так и не добравшись до озерной поверхности, прямо в воде, распускается шильник — крохотное крестоцветное растение; невдали от него, чуть поглубже, набивает спорами пленчатый мешочек полушник, дальний родич папоротников. Это уже — луга донные: их волшебный мир открывается за стеклом подводной маски.

КОЛОКОЛЬЧИК ПЕРСИКОЛИСТНЫЙ

На Севере растет несколько видов колокольчиков. У каждого из них свой облик, своя акустика. Этот колокольчик — самый крупный: раструб у него широкий, открытый. Он очень похож на колокольца, которые раньше подвешивали под расписными дугами. Об этом подумаешь, когда над лесными полянами, где цветут колокольчики, встает полноцветная радуга-дуга. Природа — литейных дел мастер. Она отливает этот цветок из небесной синевы — той, что в зените, где легкая бирюза переходит в терриковую лазурь. Краски этого перехода повторены в колокольчике, очень похожем на маленький небосвод. Цветок подражает небу, а человек — цветку. Так рождается чудесная цепь соответствий, закреплённая в звонком имени цветка: колокольчик! Звонит он в лесах русских, в словаре русском, настраивая мысли на самый светлый лад. Бывало, отведешь рукой ветки дикой жимолости и вдруг замрешь очарованно: над уютной поскальной полянкой синее пять колокольчиков. Заденешь паутинку — они зазвенят. Только звон этот надо слушать чутким

слухом души, отрешившись от всех помех суетных, от внешнего шума. И тогда — внятное «донн! динь!» поплывет из цветка, расходясь окрест голубыми волнами.

Внутри венчика — трехлопастный белый якорек: это рыльце цветка, похожее на своеобразный колокольный язык. Когда шмель забирается в глубину колокольчика, то он уподобляется звонарю, раскачавшему колокол. С высоты своей звонницы он видит олений мох, гвоздику-травянку, кукушкины льны: какая даль — голова кружится! Ведь в мире столько масштабов и мер, сколько живых существ: у всех своя высь, своя ширь; малое для одного-огромно для другого. Когда выходишь на косогор, где цветет целая популяция цветов-гудошников, то думаешь невольно: вот лесной корильон — ансамбль колокольчиков! Пусть он сыграет нам что-нибудь из Чайковского...

ИВАН-ЧАЙ

Весной он похож на красную метелочку, странно поднимающуюся над голой землей. Солнце кладет ее как бы под лупу, давая каждый день все более сильное увеличение: иван-чай укрупняется на глазах, становясь рослым и крепким. Высоко-высоко поднимается его стебель, часто унизанный листьями-ступеньками, по которым взгляд восходит с легкостью, с радостью. Пожалуй, это самая крутая зеленая лесенка среди всех наших растений. Но вот останавливается иван-чай в росте, переходя к новой задумке. Теперь он увешивает свою верхушку красными бутончиками: они узенькие, заостренные; привязаны к стеблю короткими палочками. Это — прообраз будущего метельчатого соцветия, его набросок, покада малоприметный, скромный. Но пройдет день, другой. И покажется вдруг: сырые малиновые зори медлят у опушек задебренных, у скал замшелых, — замерли, не угасая. Это иван-чай зацвел, это его свежее зарево! Все вокруг пропитывается розоватыми оттенками, отсветами. Все преобразуется. Ощутимо чувствуешь это сияние, эту про-

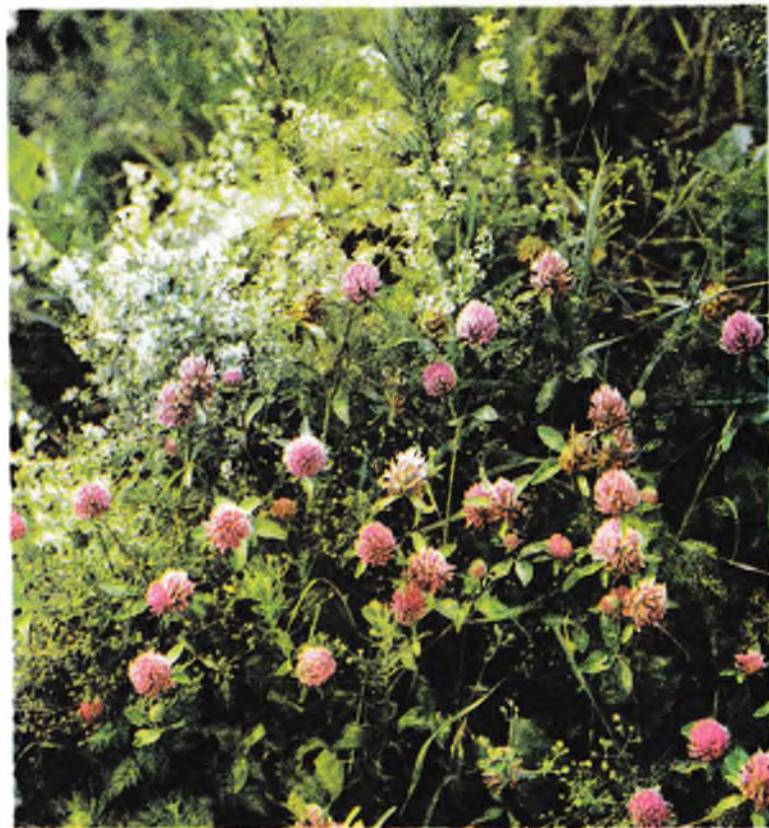
зрачную светозарность, словно и впрямь вставлены в лесной воздух волшебные светофильтры: мир, увиденный сквозь заросли иван-чая, кажется еще более добрым, чем в канун цветенья.

У иван-чая четыре чашелистика, поверх которых крест-накрест положены четыре лепестка. Чашелистики — узкие, лепестки — широкие. Прибавив к этому восемь тычинок, получаем очень сложную структуру, придающую цветку некоторую пышность, махровость. Изящна математическая закономерность, выдержанная в архитектонике цветка: все подчинено четверной симметрии. Но математика эта не явная, затаенная: иван-чай же в первую очередь вызывает к нашим чувствам, к нашему сердцу.

КЛЕВЕР

Листья этого растения мы умеем распознавать с тех пор, как научились считать до трех. Трилистник! На каждой доле листа метка: белый угольничек, похожий на очертания птицы. Как будто галочку кто-то проставил, чтобы не замятовать о встрече. Ведь и впрямь нельзя забыть эти матово-зеленые листочки, умеющие очень грациозно и подолгу удерживать капли дождя! Тихую веселость вносят клевера в луговое разнотравье, зеленея среди высокой тимopheевки, под сенью нивяников. А когда зацветут — не уйти с луга: родные запахи берут в плен, не отпускают. Они полнят собой все пространство, пропитывают все травы. Это час клевера! Шмели ошалевают от счастья, высасывая из цветков-трубочек хмельной нектар; бабочки-пестрянки садятся на зоревой шарик, как на новооткрытую прекрасную планету; из розовых рожков спешат испить радость жуки-усачи и жуки-слоники. Да и сам ты не прочь вспомнить забавы детства: попробовать на вкус это щедрое соцветье, уподобив его медленно таящему на языке леденцу. Вкусно!

Розовая головка клевера воплощает в себе то, что Метерлинк называл разумом цветов: она удивительно целесообразна. Рассмотрев отдельный цветок, найдешь в нем все признаки семейства бобовых: вот лодочка, вот парус, вот весла. Но они здесь не так хорошо различимы, как у желтой чины или мышиного горошка, не так ярки. Вот почему цветы-паруснички сбились в кучную флотилию, обретя благодаря этому сразу сто преимуществ: и вид у них теперь заметнее, и запах взаимоусиливается — так легче доплыть до солнечной цели!

Долго стоят клевера. Одни пожухнут, другие поднимутся. Вчера в соседях у них были горчицеты, а сегодня — поздние золотарники. Но в любую погоду хороша эта вихрастая головка. Розовая душа детства как бы воплощена в этих травах, обладающих даром смягчать сердце. Будет трудно — припомни: маленькими розовыми лунами восходят в летних сумерках первые клевера!

СНЫТЬ

Весна трав начинается на открытых косогорах, на ясных полянах. Поздней она приходит в тенистые леса, где только что просохла прошлогодняя опаль. Правда, света в лесах сейчас много — лист у березы еще прозрачен, кле-ек; осины дают тень только наветвями своими да зыбкими сержками. Но в ельниках — тихий сумрак. В сосняках света больше, ибо кроны здесь подняты высоко-высоко на тонких разбежистых стволах. Среди лесных трав первой начинает цвести ожика. Редкий у нее для цветов окрас — смугло-коричневый, с блестинкой. Вслед за ней зацветет другая лесная травка, кислица: белые, иногда розоватые цветы едва ли не сплошь усеивают собой дно лесное, ловя каждый просочившийся луч.

В эту пору поднимается над листовным опадом одна из самых славных лесных трав — сныть. У ее листа — девять долей: самая верная примета, чтобы не спутать сныть с другими зонтичными растениями, которые словно нарочно стараются походить друг на друга. Мхи — первый ярус лесного пространства. А ранняя сныть — второй зе-

ленный пласт: ее листья образуют частую зеленую сеть, по-
началу очень невысоко натянутую над мхами, над опалью.

Трудно уследить за ростом растения. Особенно это
относится к сныти, растущей не по дням, а по часам! Вот
она уже тянет на зов синих просветов ребристую трубочку
цветоносного стебля. По его четко наведенным бороздкам
красиво скатываются капли дождя, от которого растение
пока не может спрятаться под свой знаменитый зонтик.
А когда распушит соцветье — милости просим всех жуков
и бабочек! Почти шарообразны эти крупные зонтики, еще
вчера зачехленные в тесных бутонах. Но сегодня они —
как облака кучевые: парят над марьянниками, над гру-
шанками. В пору цветения сныти в лесах стоит особый,
незабываемый свет.

БЕЛАЯ ЛИЛИЯ

Вода сегодня лазуритовая, в золотой сетке бликов. Трепетность удивления — в тростниках дрожливых: словно загадочный зеленый поплавок, закачался рядом с ними бутон лилии. Озеро вынашивало это чудо в глубине своей, как самый светлый замысел. И вот пора явить его миру, воплотив в совершенной форме! Лилия доверчиво приоткрывается навстречу небывалому, дотоле невиданному миру: солнцу, облакам, чайкам. Все — внове! Поэтому вначале цветок смотрит, как бы прищурившись; у него чутко разомкнуты только внешние лепестки, выточенные из самого таинственного во вселенной материала: холодноватая белизна мрамора в нем словно пропитана светом летней полуночи. Верно, зябко цветку оробелому, потому и медлит, — полуоткрытый, зыблется час-другой среди заводи. Но подождите немного! — в глубине цветка уже завиднелось желтое солнышко, такое доброе и теплое, что душа радуется.

Понимаешь вдруг, что в раскрытии лилии повторяется гармония утра: вслед за белыми кучевыми облаками вы-

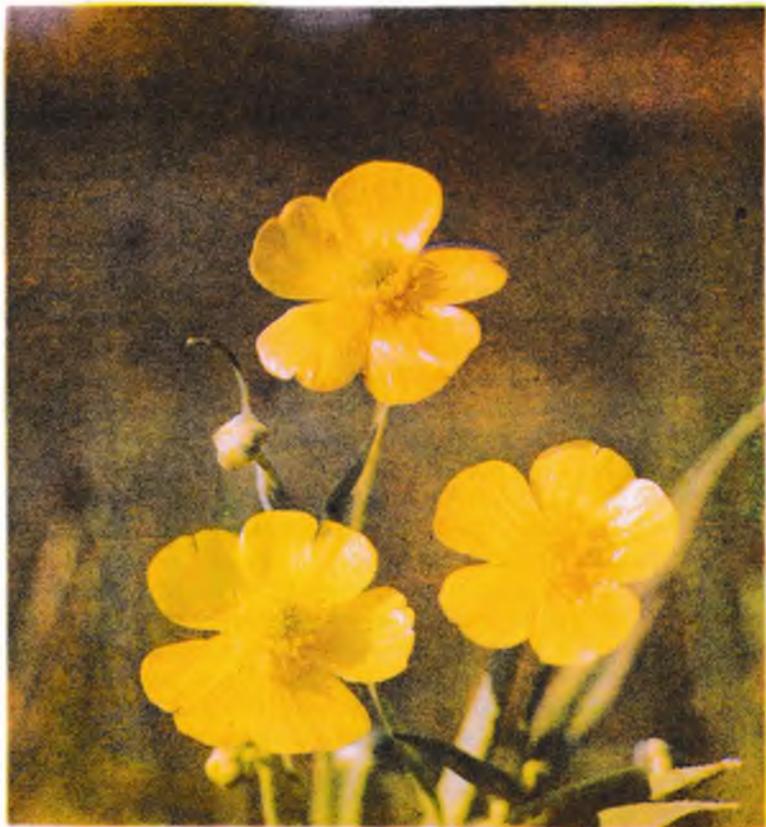
плывает из-за окоема лученосный оранжевый диск! А вот зеленый горизонт этой маленькой вселенной — плавучий округлый лист, наделенный даром рождать самую удивительную в мире росу — росу на воде. Как хороши эти линзовидные капельки, чуть увеличивающие рисунок частых прожилок! Начинает вечереть. То ли зыбь укачала, то ли впечатлений за день много набралось, но к закату сонно смыкаются лепестки-ресницы, и лилии уходят спать в озеро. Крепок их сон в зеленом сумраке вод. Но не было случая, чтобы они проспали самое главное в своей жизни — восход солнца.

ЛЮТИК ЯЗЫЧКОВЫЙ

Разные бывают лютики. Да и цветут в разные сроки, золотой цепочкой. Лютики-малютки, растущие на отмелях, среди растрескавшегося ила, совсем неприметны. А этот приболотный великан — самый рослый среди своих собратьев: выше метра поднялся! Чтобы увидеть его, надо пробраться сквозь ручьевой ольшаник, обвитый диким хмелем. Это глухое заповедное место, где ручей, поначалу незаметно отделившись от озера, начинает сужаться в кипучую стремнинку. Здесь — особое пространство, особый экотоп: растительность озера постепенно переходит в наземную флору. Вот на этом-то порубежье и вырастает лютик-великан! Корни его — в проточных водах. Но стебли, как высоченные ходули, поднимают цветок прямо к солнцу. Не растение, а дозорная вышка! — так и норовит рассмотреть сквозь чащобу все окрестные окоемы. Удали в нем много и размаха широкого; а глазища желтые так и гипнотизируют!

Другое дело — застенчиво-нежный лютик золотой, цветущий в самую раннюю весеннюю пору: не успеет золотые

веки поднять, как уже опадает. А этот лютик нетороплив по весне: втягивает в себя соки, накапливает силу. Огромные лепестки его распускаются в пору зрелого лета; по своей величине они как раз соответствуют светосиле июльского солнца. Как и у всех лютиков, у этого поперх желтой краски словно положен лак или прозрачная глазурь: блескучи цветы-рефлекторы, ловящие в свой луч пролетного мотылька. Иногда глянцеви́то-желтый маникюр лепестка отколупнется, открыв белую основу. Щербинки эти белые — знак близкого плодоношения.

ТАВОЛГА

Весной ее первый лист похож на красное перышко: можно подумать, что обронено оно раненой птицей. Однако ощущение это пропадает, когда поближе подойдешь к травке, — не иначе как робостью и смущением объясняется ее румяный окрас! Так и кажется, что таволга застенялась своего первенства: кругом земля еще голым-гола, а вода в ручье костоломная; один селезеночник лист пустил, так он у него теплым пушком подбит; нет еще и в помине ни спиральных проростков папоротника, ни зазубренных стебельков лесного хвоща.

Но весна набирает силу! И таволга вторит ей, становясь напористой, дерзкой. Неделя еще не прошла, а уже вон как развернулась и раздалась — диву даешься! Лист у нее теперь зеленый, крупный. Хорошо положить его на ладонь и рассмотреть как следует: по три простых доли слева и справа, а наверху доля-тройник, по форме очень похожая на отдельный лист земляники. Между крупными долями — крохотные прилистнички. Это сочетание большого и малого придает листу особую очаровательность.

Неужели все он же перед нами, тот наивно-розовый листок, что неловко топорщился над сырой супесью? Все меняется в мире, и то ли еще впереди! Вот к цветенью готовится таволга, задумав преобразить все окрестные пейзажи. Утром покажется, что косогор превратился в пенный каскад: так и хлещут цветы-гейзеры, окутывая траву млечным паром. Не кисти, а взбитые сливки! — столько в них легкости и белизны. Ну а запах — незабываемый: что-то домашнее есть в нем, избыточное, хлебное. О многом вспомнишь, вдыхая таволгу, — и о подгорелой корочке каравая, и о распаренном березовом венике.

Но вот опадает белая мгла, оставляя сетчатую основу: это мелкие веточки кисти, унизанные своеобразнейшими семенами. Если положить их под лупу, то они внятно напомнят о витых раковинах. Еще и тем хороша таволга, что стоит целехонькой всю зиму. Пусть пожухла, стала серебряно-коричневой, но все равно скрадывает белое однообразие. За то и люблю эту траву-соотечественницу — таволгу вязолистную.

Зеленое эхо

Льнянка

Василек шероховатый

Вероника

Золотарник

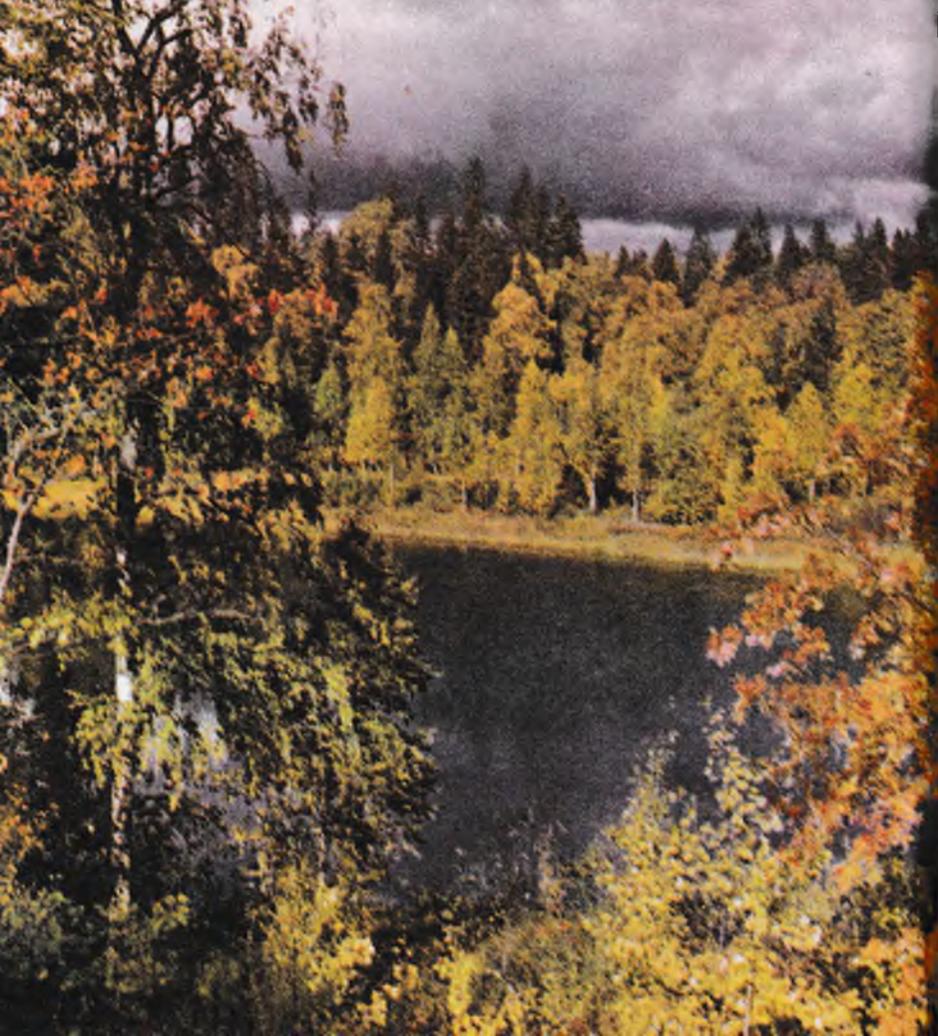
Белозор

Плакун-трава

Ромашка

Возле скалистых берегов зацвела мята. Первая прохладца как-то связана с ее запахом, таким знобюще-свежим, предосенним. Уже пересчитываются на проводах рябые скворцы; поднимает на крыло свой выводок утка свиязь; вдоль огородных закраин вовсю цветут золотые осоты. Но и в эту зрелую пору можно найти растения, у которых весна только начинается. Для этого надо пойти на мелеющий берег: только что высвободясь из-под воды, зацвел малюсенький лютик стелющийся, а невдале от него выгибает четыре белых лепестка цветок подмаренника топяного. Это — эхо весны, зеленое эхо!

Уже пожелтели, стали стеклянно-дымчатыми многие злаки: ведь осень начинается на лугах, заросших щучкой и овсяницей; затем она переходит на скалы, осыпая багрянцем кустики кизильника, и только потом осторожной, бесшумной походкой входит в березовый лес. Как бы предвещая золотую осень, снова проходит по лугам волна желтых цветов. Это — кульбабы, золотарники, ястребинки.

Хороши рядом с ними синие цветы — колокольчики, горошки, незабудки.

Если хочешь и дальше перелистывать цветочный календарь, иди на озеро — к его зеркалу, к его берегам. Поднимаются над водой, иногда удивительно перемежаясь, розовые обелиски земноводной гречихи и темно-зеленые колонки соцветий рдеста — к ним перешла эстафета от береговых девясиллов, от рослой пижмы. Позже всех зацветет уруть-водоперица, тоже озерное растение. Она бы и закрыла цветочный календарь, когда бы не прекрасная неожиданность: переждав неделю-другую и словно нарочно выпав из вереницы предшественников, зацветает на побережье сивец луговой. Это всегда удивляет!

Уже летят над озером длиннющие паутинки, а сивец только выкладывает из своих бутонов лазурное полушарие; ночью уже серебряно расчерчивает небо метеорный поток Персеиды, а сивец только-только распускается. Его соцветья — как маленькие синие глобусы: стрекозы-стрелки бережно садятся на них, воплощая в себе какую-то детскую удивленность перед загадками мира.

После сивца — только повторы! Они прекрасны, ибо замыкают круг времен: второй раз зацветают шиповник, дубровка, одуванчик. Странное это сочетание! — под красными гроздьями рябины смущенно розовеют благоухающие лепестки шиповника. А сколько изумления в синих глазах вероники, когда она глядит на лет золотых листьев! Утром ложится на травы первый иней. После этого пропадают незабудки, а очанки только хорошеют: белыми

раскидистыми деревцами стоят они на полянах. Кажется, что это цветущую черемуху заметил вдруг в перевернутом бинокле времени.

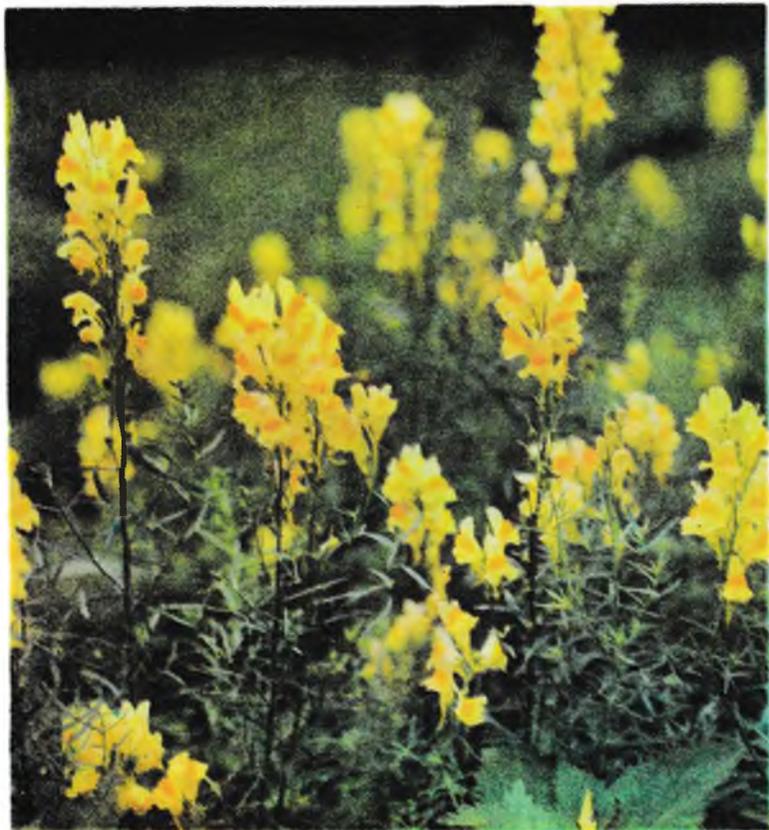
Еще долго, до первого снега, будут перекликаться на скалах два прекрасных цветка: льнянка и фиалка. Еще и после дня осеннего равноденствия можно будет послушать, как стрекочут кузнечики под синими круголистными колокольчиками. Но уже печать усталости легла на травы; но уже близки золотые кануны. Поэтому с особой нежностью перелистываешь в августе и сентябре книгу трав. Вот ее некоторые страницы...

ЛЬНЯНКА

Этот цветок — как целое здание, состоящее из разных помещений: есть тут и кладовая с колодцем для меда; есть и святилище, где расположена завязь; есть и светлая мансарда, полная золотистого воздуха. Не цветок, а маленький дворец с причудливой архитектурой! Удивительно, что у дворца этого есть самый настоящий запор: отмычкой его не открыть — нужно секреты знать. А ведомы они только тем крупным насекомым — шмелям в первую очередь — которые опыляют льнянку. Видишь, как плотно сошлись верхняя и нижняя части венчика? — выемка пришлась на выпуклину, вогнутое совпало с выгнутым. Вот и получился прочный замок, без малейших зазоров. Но шмелям нетрудно угадать, где затаена замочная скважина: место это, меченое оранжевым крапом, ярко выделяется на бледном солнечно-лимонном фоне. Без особых усилий можно развести золотые засовы, когда цветок и сам пчелу в гости просит. Если подумать, так это своего рода ловчая снасть с завлекательной приманкой!

Хитроумно устроен цветок — ничего не скажешь: откроется кому надо, угостит медком, а заодно пыльцу перешлет на соседнее растение. Как бы целая программа действий заложена в затейливых формах: все рассчитано, все предусмотрено. Приманка для шмелей расположена на донце узкого-узкого колодеподобного шпорца: пока дотянешься, невольно пыльцу на себя отряхнешь. А это и нужно льянке от шмеля-сластены! Если букашка помельче, то вход для нее в пространство цветка закрыт напрочь. Правда, иногда мураш какой-нибудь все же умудряется обхитрить горделивую льянку: просверлит в шпорце отверстие и весь мед вытянет. Есть все же в целесообразном устройстве (и поведении!) льянки нечто, роднящее ее с миром животных: «разум» цветов здесь достигает своего высшего развития. И как хороши у цветка его тонкие, на редкость изящные шпорцы, схожие с юным полумесяцем: грациозно восходят они над скалами, светясь до поры первозимья.

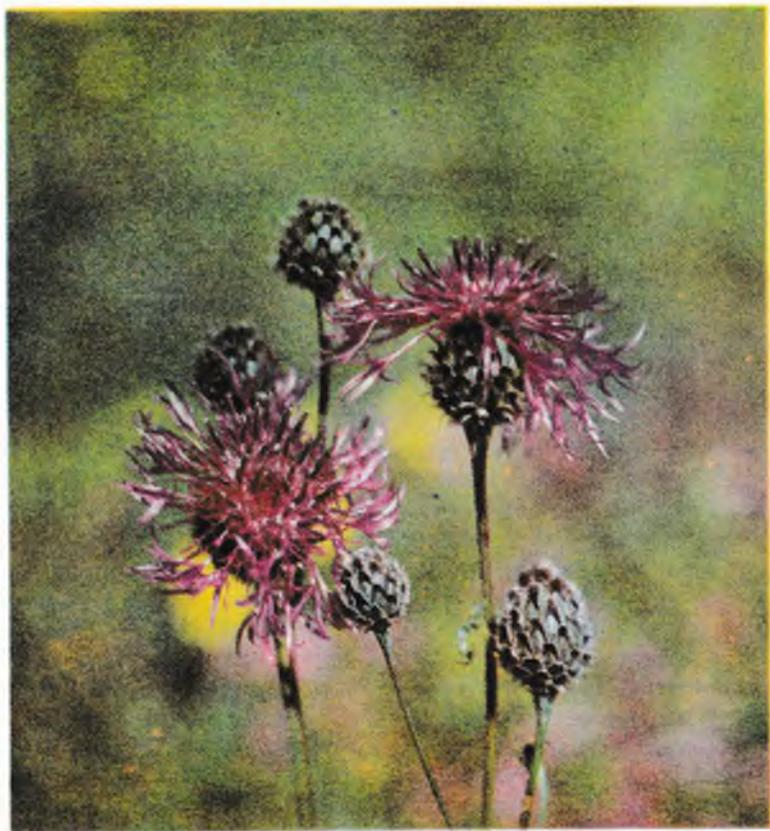

ВАСИЛЕК ШЕРОХОВАТЫЙ

Чем дальше на север, тем реже синий русский василек. На его место заступают другие васильки — луговые, шероховатые. Пусть они крупнее и ажурнее своего собрата, но родство чувствуешь сразу. Только окраска разная: если синий василек вторит цвету земного неба, то шероховатый будто побывал под марсианскими небесами. Цветок-фантастика! Весь фиолетово-розовый, будто из снолохов сложенный; похожий на язычки огня, раздуваемые ветром; зыблущийся, трепещущий.

В чем тайна этого кружевного цветка? Во-первых, василек — это не цветок, а соцветие, собранное в одну целостность множество венчиков; во-вторых, доли венчика у него длинные и узкие, почти нитчатые. Поэтому бахромчато-пышен василек, так отзывчив на колебание воздуха. Костерком струится в небо, согревая при непогоде божьих коровок. Тепло от него сердцу, взгляду. Пусть горит до осеннего равноденствия!

Важная часть василька — его цветоложе, разубранное коричнево-черными, перистопрорезанными чешуйками.

Отделка у каждой ювелирная! Сложены они так, что образуют кисейную сеточку, своего рода темную вуаль. Цветок осыпался, а ложе его держится. Теперь оно похоже на плетеное лукошечко, доверху наполненное семенами. Пока непочатым остается это сокровище, но вот приходит зима, зазывая в родные края синиц и снегирей. Тогда-то и понимаешь, как нужен сухой василек. Крепко стоит он над сугробами: стебель у него двужильный, прочный, не полег на землю, не рассыпал семена раньше времени. Когда снегирь садится ему на макушку, то кажется: опять зацвел василек посреди белоснежья. Добывая семена себе на потребу, птица ненароком ссеет их по снегу. Весной они опустятся на землю, заропив в нее новую искру: лето раздует ее в пламя венчиков!

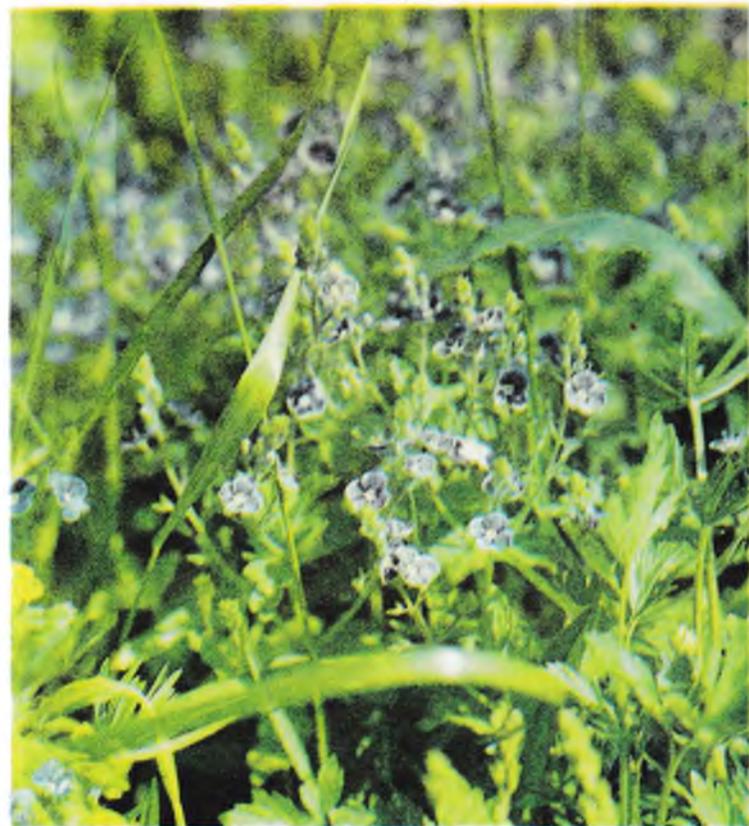

ВЕРОНИКА

Стрекозка-стрелка, оседлав юный стебелек вероники, становится похожей на синий отвес с черными метками: таково ее тельце, напоминающее лазурную линейчку. По этой хрупкой и точной прямизне вероника может сверять вертикаль роста. Скоро она распустит узкий колос своего соцветия, уподобив его синему наконечнику стрелы, выпущенной из волшебного лука. Тогда станет ясным, какую гармонию предвещали голубые стрекозы, паря над зарослями береговой вероники: весь берег — как незримое воинство с чудесно-синими копьями, стрелами!

Наверно, можно проводить отдаленную аналогию между формами растений и архитектурными стилями. Если в узорном листе горчичника есть что-то от затейливой арабески, то мощные соплодия цавеля, с их причудливым силуэтом, напоминают руины древних пирамид. Одного взгляда на веронику достаточно, чтобы сразу вспомнить готику: эта стрельчатость, эта устремленность! Надо ж так вытянуть свое соцветие, превратив его в узкий шпиль какого-то сказочного замка. Впечатление

усиливается, когда готика соцветий запрокинута в неподвижных отражениях: это — синяя геральдика озера, его старинная сказка. Чайчье перышко среди отраженных шпилей — будто белый парус; береговые водомерки рядом — как изящные гондольеры; лист рдеста на воде — словно зеленый плотик, на котором восседает паук-доломедес. Добрый мир озера! Он и впрямь становится сказочным в пору цветения вероники. Ее колосья — как звучно-синие струны, которые перебирает озерный ветер, извлекая из них лад и нежность.

Приходит время — и колос словно устает от своей прямизны: он изгибается, становится похожим на гриф скрипки. В эту пору по пнюру-стеблю синее пламя добирается до самого верха, до макушечных бутончиков. А внизу — осыпавшиеся цветы, внутри которых зреют удивительные семена: они похожи то ли на медальончик, то ли на маленькое сердце. Сходство это столь разительно, что хочется прислушаться среди осени: не пульсирует ли сердцевидное семя, уже вынашивая в себе сказку будущего лета?

ЗОЛОТАРНИК

Уже нет-нет, а вспыхнет золотой лист в березе. Воздух прозрачнее, что ни день; вода в озерах все синее и зябче. Доспевает брусника на косогорах; сбиваются в огромные стаи ласточки; блестит среди почерневших купырей легкая паутина. В эту пору зацветает золотарник — высокое, тонкое в талии растение. Кажется, что он выходит из глубин леса, очарованно остановившись в двух шагах от опушки: перед ним — простор предосенний, с отлетными стрижами, с чистыми далями. Воздух — как стеклянный расплав: в него вплавлены купола стогов, недвижимые сосны, льнянки на некосях. Спокойно, тихо.

В хорошие дни начинает цвести золотарник, воплощая в себе полноту и ясность летних свершений. Соцветия его — как лучащийся часовой механизм: золотые шестерни чуть-чуть проворачиваются, отсчитывая полновесные мгновенья. Хороша эта немного узкая, но высокая и густая золотая кисть! Август обмакивает ее в солнце, а потом проводит по голубизне. Получается — диво: золотой крап в синих лесных просветах, желтое мельтешенье!

На каждый просвет — по золотарнику: цветы висят в воздухе золотыми искрами, они будто только что вылетели из невидимого точильного круга. Искрометные золотарники! Точеная точность — в отделке каждой детали. Вот узенький отгиб язычкового венчика: на его конце — всегда ровно три изящно заточенных зубчика. Ювелирная точность! Лесная прозрачность над соцветием — как защитный хрустальный колпак: ни одна пылинка не попадет на это часовое устройство, уже показывающее близость золотой осени. Ведь окрас у золотарников осенне-желтый — такого не встретишь ранним летом, хотя цветовые отличия здесь очень тонки.

Скоро выпадут золотые спицы из цветов-шестерен. Тогда они превратятся в коричневые шарики. На одном стебле их целая связка! Так и рвется в воздух, в полет. Семянка у золотарника — ребристый цилиндр, с прикрепленным к нему парусом из волосков. Счастливого плавания в воздушном океане осени!

БЕЛОЗОР

Истаявая в зреющей лазури июля, белые ночи отдают весь свой свет белозорам. Эти цветы распускаются как раз тогда, когда в небе внятно означатся все звезды Лебедя и Геркулеса — признак того, что белая ночь ушла с наших широт. Белозор любит расти по закраинам болот, по островным берегам. На тонком проводке стебля — один выпуклый лист, не имеющий черешка: он похож на зеленый флажок, который по шнуру подымается вверх. Но лист-флажок замирает, не дойдя до середины, а дальше тянется ввысь бутон, раскрытие которого — как вспышка новой звезды. Да, белозоры на удивление звездopodobны! Как будто ночное небо ложилось в береговую осоку, оседаая в ней этими хрустальными цветами! Над горизонтом дикой мяты белозор поднимается высоко-высоко, как недостижимый поднебесный мир. Лепестки у него цвета Млечного пути. В середине цветка — округлая солнцевидная завязь. А вокруг нее — выведенные на одну орбиту — ровно мерцают золотистые планеты-капельки. Их великое множество, этих янтарных, прозрачных насквозь

шариков. За ними просвечивает жилкование лепестков, а в самой глубине мерцает уменьшенное до точки, отраженное солнце! Так великое отзывается в малом, а цепь сквозных подобий уходит с островных берегов в космос.

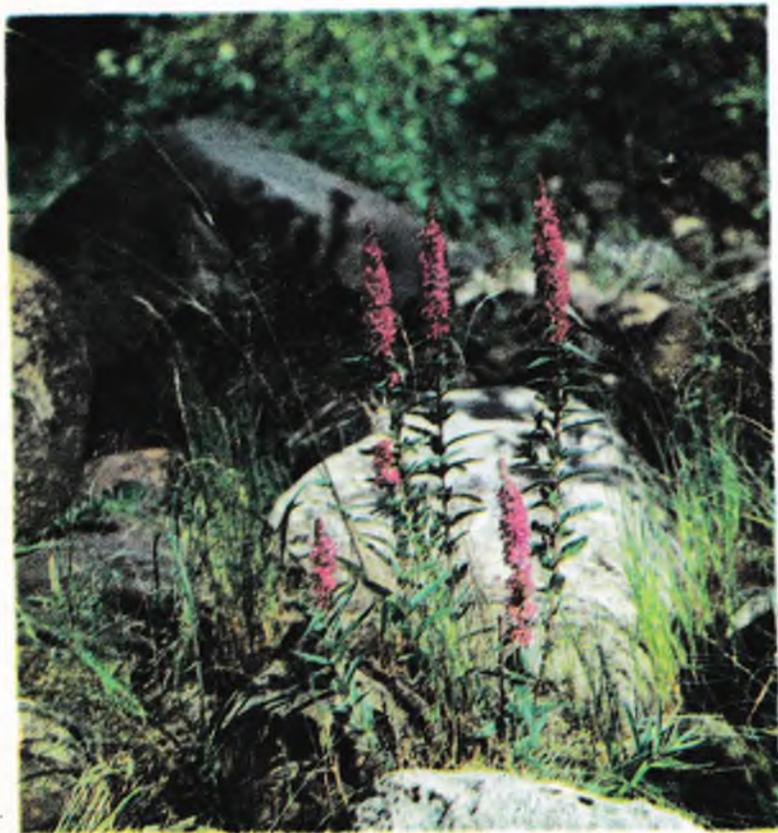
Белозор нашел свой код, чтобы разговаривать с насекомыми; желтые бусинки кажутся каплями нектара, хотя на самом деле у них совсем другая биохимия. Это — удивительный пример подражания, искусного замещения форм, когда растение пластически воспроизводит желаемое, надевая на себя своеобразную маску. У белозора это получается артистически! А что он хочет сказать своими тычинками, отпуская их не сразу, а одну за другой? — тесно прижатые к завязи, они красиво отгибаются, подымая пригоршни-пыльники. Этот процесс — тоже своеобразный язык: в нем закодированы ритмы, позволяющие согласовывать цветение соседних растений.

ПЛАКУН-ТРАВА

Весной эти каменистые берега оказываются под разливом. Поднимая со дна плоский сланцевый камушек, пристально разглядываешь домики ручейников, приклеенные к его исподу, а рядом с ними — тельца уплощенных личинок-гептагений, будущих поденок. Здесь, на этом прогретом мелководье, начинает свою жизнь плакун-трава. Ее юные стебельки отчетливо гранисты, одеты в юбочку красных листьев. Приподнявшись на цыпочках, они оглядывают надводный мир — цветущий ивняк, пару уток-шилохвостей, плавучую крачку. Когда рядом плескуче пробегает долговязый кулик-перевозчик, то его ноги по длине как раз соответствуют проросткам плакун-травы. Но время идет, вода сбывает. Плакун-трава оказывается на суше, хотя далеко от воды никогда не уходит: ей нужно зеркало, чтобы глядеться в него и делить с ним свою плакучую скорбь.

Все выше травы на наших озерных берегах, все буйнее. Уже не просвечивают заросли никнувших осок; среди коленчатого хвоща чуткими стрелами стоят щурята; белы-

ми мотыльками парят над водой цветы лобелий. Но все меняется в этом мире, когда зацветает плакун-трава! Синее зеркало, зеленая осока; между ними — красно-розовые кисти соцветий: удвоенные отражением, они заключают в себе невыразимую словом печаль. Как будто вышла к берегам озера чья-то далекая Память! — верно, память этих мест, память стародавней речи. Глядится плакун-трава в пристальную прозрачность, будто выскивает в ней что-то забытое, потерянное. Не отзовешь ее от берегов этих, не отгонишь. Стрекозка блестит на цветах — словно слеза навернулась; осока долу клонится — будто сочувствует. Восход над плакунами — как заря над зарей. Сойдет ранний белесый туманец — цветы еще чище, еще пахучей. Хоть грусть наводит, а крепкое это растение: чувствуется за его печалью сдержанная сила. Бывало, доберешься в январскую пору на лыжах к островам этим, а плакун-трава все стоит, держится. Ее высокие стебли часто-часто опоясаны зачаянными снизу трубочками, в которые засыпаны мелкие семена. Там непочатые запасы новой печали и новой радости.

РОМАШКА

Белые ресницы вокруг желтого ока! Этот образ придет к каждому, кто почувствует на себе взгляд цветка и обернется на него. У ромашки открытый взор: ведь прятать ей нечего, вся душа на виду. Только б на солнце глядеть да глядеть, не жмурясь: только б садились почаще мотыльки-голубянки — сверху у них крылья небесно-синие, а снизу испещрены черными крапинами, белыми кружочками, оранжевыми скобками: столько интересного прочесть можно, пока бабочка собирает пыльцу! Если вся поляна — как целостный организм, то ромашки — ее зрение. Подключившись к нему неисповедимым образом, откроешь удивительный мир: вон огромные красно-черные полосы, клетки — это азбука на крыльях бабочки-пашечницы; а что означают эти то синие, то изумрудные со-ты? — сейчас око в око глядят на ромашку фасеточные глаза жука. В полдень ромашке кажется, что она смотрит в огромную зеркальную линзу, узнавая в ней собственное увеличенное отражение: это над июльскими полянами распустилась самая огромная ромашка в мире — лу-

ченосное солнце! Если взглянуть на него сквозь сомкнутые ресницы, то отчетливо станут видны огромные лучи-лепестки, вращающиеся в синем пространстве. Наверно, солнце видит в ромашках своих прилежных учениц, всячески потворствуя им и потакая.

Иногда лепестки у цветка вдруг станут похожи на длинные белые странички, а сам он напомнит какую-то необычную, по кругу развернутую книжицу — читай ее инфракрасным зрением насекомых или записывай на чистых полях свои мысли и наблюдения. Строго говоря, каждый цветок ромашки — своеобразная клумба, разбитая с редкостным вкусом: по краю идут длинные отгибы язычковых цветов, условно называемые лепестками, а в середине золотисто-зеленым кругляшом собраны трубчатые цветы, расположенные, если приглядеться, по спирали. Бывало, уже осенний ледок остеклит канавы, а ромашка все еще глядит на тебя вопрошающе, испытующе: помнишь ли о лете в ожидании первого снега?

Пора семян

Летняя погодка стоит в канун бабьего лета — самая пора распустить нитяные паруса паутины или надуть ветром купола семенных парашютиков. Время перемен, смещений! Как ни прочно заякорен иван-чай в почве, а тоже находит способ продвигаться в пространстве-времени. Видишь, как раскрылись створки его семенных коробочек? — они превратились в сухие полукольца, в зыбкие кудри. А еще недавно эти створки, похожие на безукоризненно оструганные дощечки, были сколочены в узкий пеналец, в прямоугольный стручок. Пришел час опростать чудесную тару. Створки расходятся по швам, словно срывая микроскопическую клепку, а изнутри вылетают одно за другим шелковистые семена. Если стоит безветрие, то мерцающим пухом покрывают они отчее растение, украшая его накануне прощания. Заросли иван-чая тогда становятся похожими на волшебный туман, на дым отечества, волнующий душу. А дунет ветер — как гребнем прочешет эту серебряную кудель, направляя семена в дальний полет. Паутина летит вместе с ними. Чуть выше — отлет-

ные ласточки. А над ними звезды почные летят, таинственные туманности мчатся! — на снимках они волокнисты, как пух иван-чая, сбитый в легкие комья. Вдруг сам себя ощутишь летящим в космической бездне! Совсем потерялся бы в ней, да звездные часы приходят на выручку, цветочный календарь помогает. Это — опорная сетка твоего земного бытия, выброшенная на вечность; это — шкала для отсчета летящего времени.

Давно ли стрелка гусиного лука пробилась сквозь сырой зернистый снег? Потом среди подсохшей опали заголубели фиалки. Отцветал золотой лютик, но вспыхивал зверобой. Гасла вероника, но зажигался синий сивец. Отходила розовая герань, но затепливались тимьяны. Мы шли вдоль многоцветного многогравья, пока не дошли до этой черты: семена летят в дали! Семенные ларцы, коробочки, сумочки, рожки, кулечки: вот во что превратились вчерашние цветы, обретая высший смысл и цель своего бытия. До нового лета. до новых красок!

Содержание

5
Золотой луг
31
Белая ночь
55
Полная сила
81
Зеленое эхо
107
Пора семян

ЦВЕТЫ СЕВЕРА

Фотографии Николая Прокофьевича Бургилова

Текст Юрия Владимировича Линника

Составитель М. И. Федоров
Редактор Д. И. Шехтер
Художник Л. Н. Дегтярев
Художественный редактор Р. С. Киселева
Технический редактор С. М. Паль
Корректор Л. Т. Дмитриева

ИБ № 532

Сдано в набор 20.11.78. Подписано в печать 04.09.79.
Е—00592. Формат бум. 60×108^{1/2}. Офсетная № 1. Обыкновенная новая гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 3,25. Тираж 15 000 экз. Заказ 4815. Изд. № 132. Цена 60 коп.

Издательство «Карелия». Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1. Типография им. Анохина Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Карельской АССР. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Цветы Севера: Текст Ю. В. Линника, фот.
Ц 27 Н. П. Бургилова.— Петрозаводск: Карелия, 1979.—
111 с., ил.

В четырех разделах книги — «Золотой луг», «Белая ночь», «Полная сила» и «Зеленое эхо», — соответствующих временам года, ведется поэтический рассказ о наших северных цветах.

21006—069
Ц М127(03)—79 74—79

ББК 28.5
58

